

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

**Nº 9–10 2020
September – October**

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

№ 9–10 2020 (September – October)

ISSN 2310-5593 (Print)

ISSN 2519-1209 (Online)

Editor-in-chief

Bondarenko Natalya, Russia, Doctor of Philosophy Sciences

International editorial board

Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography
Adieva Aynura Abdusshalalovna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Akhmedova Raziya Abdullayevna, Russia, Doctor of Philology
Atayev Zagir Vagitovich, Russia, Ph.D. Geographical Sciences
Balabiev Kairat Rahimovich, Kazakhstan, Doctor of Law
Barlybaeva Saule Hatiyatovna, Kazakhstan, Doctor of History
Bogolib Tatiana Maksimovna, Ukraine, Doctor of Economics
Bolshakov Andrey Georgievich, Russia, Doctor of Political Sciences
Bondarenko Natalia Grigorievna, Russia, Doctor of Philosophy
Bulatbaeva Ayyul Abdimazhitovna, Kazakhstan, Doctor of Education
Chiladze George Bidzinovich, Georgia, Doctor of Economics, Doctor of Law
Dalibor Milorad Elezović, Serbia, Doctor of History
Fazekas Alajos, Hungary, Doctor of Law
Gaydin Sergey Tihonovich, Russia, Doctor of History
Gurov Valeriy Nikolaevich, Russia, Doctor of Education
Ibragimova Liliya Ahmatyanovna, Russia, Doctor of Education
Ibraeva Alua Salamatovna Kazakhstan, Doctor of Law
Ivana Blahuna, Ukraine, Doctor of Economics
Ivannikov Ivan Andreevich, Russia, Doctor of Political Sciences, Doctor of Law
Jansarayeva Rima, Kazakhstan, Doctor of Law
Khurtsidze Tamila Shalvovna, Georgia, Doctor of Law
Konstantinova Slavka, Bulgaria, Doctor of History
Korzh Marina Vladimirovna, Russia, Doctor of Economics
Lekerova Gulsim, Kazakhstan, Doctor of Psychology

Lewicka Jolanta, Poland, Doctor of Psychology
Massaro Alessandro, Italy, Doctor of Philosophy
Melnichuk Marina Vladimirovna, Russia, Doctor of Economics
Meymanov Bakyt Kattoevich, Kazakhstan, Doctor of Economics
Moldabek Kulakhmet, Kazakhstan, Doctor of Education
Morozova Natalay Ivanovna, Russia, Doctor of Economics
Moskvin Victor Anatolevich, Russia, Doctor of Psychology
Navruzoda Bakhtiyor, Tajikistan, Doctor of Economics
Novikov Alexei, Russia, Doctor of Education
Petrov Vasily Borisovich, Russia, Doctor of Philology
Salaev Sanatbek Komiljanovich, Uzbekistan, Doctor of Economics
Salamatovna Ibraeva Alua, Kazakhstan, Doctor of Law
Shadiev Rizamat Davranovich, Uzbekistan, Doctor of Education
Shahutova Zarema Zorievna, Russia, Ph.D. of Education
Soltanova Nazilya Bagir, Azerbaijan, Doctor of Philosophy, Ph.D. of History
Spasennikov Boris Aristarkhovich, Russia, Doctor of Law, Doctor of Medicine
Suleymanova Rima, Russia, Doctor of History
Tereschenko-Kaidan Liliya Vladimirovna, Ukraine, Doctor of Philosophy
Tersvadze Mzia Giglaevna, Georgia, Doctor of Philology
Yashkova Tatiana Alexeevna, Russia, Doctor of Political Sciences
Yurova Kseniya Igorevna, Russia, Ph.D. of History
Zhaplova Tatiana Mikhaylovna, Russia, Doctor of Philology
Zolotukhina-Abolina Elena, Russia, Doctor of Philosophy

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

Premier Publishing s.r.o. Praha 8 – Karlín, Lyčkovo nám. 508/7, PSČ 18600

E-mail:

pub@ppublishing.org

Homepage

ppublishing.org

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees.

Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the Premier Publishing s.r.o. home page at:

<http://www.ppublishing.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the Premier Publishing s.r.o., the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Included to the open access repositories:

© Premier Publishing s.r.o.

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by Premier Publishing s.r.o., Vienna, Austria on acid-free paper.

History and archaeology

История и археология

UDC 94(47).084.3

DOI: 10.29013/AJH-20-9.10-3-9

A. V. VOLODKO¹,¹*Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

GRAND DUKE MIKHAIL ALEXANDROVICH'S PARTICIPATION IN WORLD WAR I

Abstract

Purpose: to analyze the role of Grand Duke Mikhail Alexandrovich during World War I.

Methods: empirical and ideographic studies.

Results: A study of Grand Duke Mikhail Alexandrovich's life and activities during World War I was carried out; his personal features were identified and his reputation among the "riders" of the Caucasus Native Cavalry Division were assessed, as well as his contribution to the organization of this division – one of the most battle-worthy units in the Russian army. The period of the Grand Duke's service in the 2-nd Cavalry Corps of the 7th Army at the Southwestern front was also thoroughly analyzed.

Scientific novelty: This is the first study of Grand Duke Mikhail Alexandrovich's service in the 2-nd Cavalry Corps during World War I on the basis of his personal diaries.

Practical importance: the results of the study can be used in academic and educational activities related to studying the history of the Romanov dynasty and the Russian Empire.

Keywords: Grand Duke Mikhail Alexandrovich, World War I, Commander, the Caucasus Native Cavalry Division, Second Cavalry Corps.

For citation: Volodko A. V. Grand Duke Mikhail Alexandrovich's Participation In World War I, Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2020, No. 9–10. – P. 3–9. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-9.10-3-9>

Introduction

The figure of Grand Duke Mikhail Alexandrovich – the youngest son of Emperor Alexander III – stands out in the last generation of the Romanov dynasty. This extraordinary person with a complex and contradictory fate attracts well-deserved attention both from professional historians and the public interested in Russian history. Indeed, there were two main driving forces in the

life of the Grand Duke – his desire to get free from burdensome formalities of the court, on the one hand, and responsibility towards the country and the royal family which he belonged to by right of birth, on the other. In this connection the national ordeal of World War I, or the Second Patriotic War, as it was called in those days, certainly stands out as a period of Mikhail's life when his sense of duty prevailed.

The article is based on archival documents, the diary of Grand Duke Mikhail Alexandrovich¹, memoirs of his contemporaries, – Adjutant General A. A. Brusilov [2], general P. N. Krasnov [4], Y. N. Lodyzhensky [5] and others – and historical studies on the biography of Mikhail Alexandrovich and his service in the Caucasus Native Cavalry Division and the 2-nd Cavalry Corps during World War I: V. M. Khrustalev's books "Grand Duke Mikhail Alexandrovich" [9] and "World War I. In Charge of the "Wild Division" [10]; "The Caucasus Cavalry Division. 1914–1917: Return from Oblivion" by O. L. Opryshko [7]; "The Romanovs: History and Genealogy" by E. V. Pchelov [8, p. 339–346]; "The Romanovs at the battlefields of World War I" by I. A. Kovalev [3, p. 100–123] etc.

The Results of the Study

Grand Duke Mikhail Alexandrovich was born on November 22, 1878. He was the youngest and favorite son of Emperor Alexander III. Mikhail was growing up as a straightforward, sincere and kind young man. He was not ambitious, loathed the official duties of his status and strived for a simple life of a private person. At the same time, contrary to many contemporaries' opinion, he can hardly be called a passive and spineless character: Mikhail Alexandrovich was an active person, an excellent sportsman, an efficient philanthropist and arts patron, and, when it was really necessary, was able to show mettle and act resolutely.

In 1899, after the death of his brother Georgii, he became heir to the throne and remained in this status until the son of Nicholas II was born. In 1901 Mikhail Alexandrovich on the Emperor's orders began to participate in the sessions of the State Council, in 1902 he joined the Committee of Ministers and performed a number of other official and ceremonial duties. Thanks to his natural abilities and an excellent education the Grand Duke performed all these functions quite well. The problem, as far as the interests of the dynasty were concerned, was that he totally lacked "a penchant for power" and any desire "to prepare for it diligently."² For instance, when Nicholas's son was finally born, he was happy, and not only for his brother the Emperor: as Grand Duke Kon-

stantin Konstantinovich observed, "the former heir Mi-sha ... was gleaming with joy that he was not the heir any more" [6, p. 247]. However, he was not absolutely freed from this duty: after the birth of the heir Emperor Nicholas made him the Regent in case of his death.

Mikhail Alexandrovich was more enthusiastic about the military service that he was obliged to do like all the Romanovs. He was a fan of sports (especially horseracing) and new technologies: Mikhail was an excellent car driver and wanted to become a pilot. While studying at the Mikhailovskoe Artillery School the Grand Duke underwent practical training as an officer at the 5th battery of the Guards Horse Artillery Brigade, and the teachers noted his diligence as a student and the high marks he received. After that he served for a while in the Preobrazhensky Guards Regiment, then again in the Guards Horse Artillery, and in 1906 assumed command of a squadron of the Her Imperial Majesty Life Guard Cuirassier Regiment (the famous "Blue Cuirassiers") with a perspective of becoming the commander of this elite unit [9, c. 108].

Mikhail Alexandrovich's military career proceeded successfully. But one event changed the Grand Duke's life completely. In the regiment he met Natalia Sergeyevna, the wife of his subordinate, Lieutenant Vladimir Wolfert, and they fell in love with each other [8, p. 341]. Mikhail was quite popular with the ladies, and in 1904 he already had a "scandalous" affair with A. V. Kossikovskaya, Lady-in-Waiting of his sister Olga, whom he wanted to marry contrary to all dynastic rules. Then the Empress Dowager and Nicholas II spared no effort to ruin this potential "unequal marriage."

This time, however, though his mother and brother-emperor were categorically against his choice (apart from "inequality by birth" Natalia had a divorce and a daughter behind her back), Mikhail stood by the woman he loved. The scandal spilled into public view, threatening the royal family's reputation, and Nicholas II sent his brother into exile, appointing him the commander of the 17th Chernigov Hussar Regiment quartered in the city of Orel. In this position which he held from May 16, 1909 to September 3, 1911, Mikhail proved himself a good commander, diligent to his duties and caring for his men. On January 1, 1912 Mikhail Alexandrovich was appointed the commander of Her Majesty's Empress Maria Fyodorovna Chevalier Guard Regiment and occupied this post until December 17.

¹ The Diaries and Correspondence of Grand Duke Mikhail Alexandrovich: 1915–1918 / Compiled and edited by V. M. Khrustalev. – Moscow: PROZAIK, 2012. – 800 p. (In Russian).

² The State Archive of the Russian Federation (GARF), collection 6501, inventory 1, file 206, P. 1 verso, 2–2 verso. (In Russian).

By that time Natalia Sergeyevna divorced and made Mikhail a happy father of a son Georgii, whom the Emperor granted the status of a nobleman by birth, the patronymic “Mikhailovich” and the surname Brasov after the name of the Grand Duke’s estate in the village of Brasovo near Orel. However, he still did not allow them to marry, making Mikhail to give a corresponding promise.

Mikhail Alexandrovich, however, could not stand Natalia’s dubious position and decided to break his promise. In 1912 the couple married secretly in Vienna. The enraged Emperor wrote to his mother: “I am through with him now because he broke his word.”¹ After thismorganatic marriage Nicholas banned his brother from returning to Russia, removed him from all official positions and sequestered his property, putting it under state custody.

The Grand Duke settled in Britain with his wife and child, but he suffered from psychological discomfort of being banned from his country and the humiliation of having his assets alienated.

When World War I broke out, Mikhail Alexandrovich asked his brother’s permission to return: “I can be punished by taking away the rights and property belonging to me by right of birth, but nobody can deny me the right to shed blood for my Motherland!” [1, p. 252]. The permission was granted and on August 11, 1914 the Grand Duke arrived to St. Petersburg. He requested to be sent to the frontline, but the Emperor ordered him to stay in the capital, and Mikhail Alexandrovich had to live in forced inaction which frustrated him greatly. Then Count Illarion Ivanovich Vorontsov-Dashkov, the Emperor’s Viceroy in the Caucasus and the commanding general of the Caucasus military district, whose son was Mikhail’s old friend, came to his aid.

With the beginning of the war many highlanders from the Caucasus, exempt from National Service in the Russian Empire, submitted requests to be enrolled in combat units, and Vorontsov-Dashkov proposed to form for them a special volunteer unit – the Caucasus Native Cavalry Division – and put Grand Duke Mikhail in charge of it. Nicholas II accepted the proposal, and on August 23, 1914, simultaneously with the order to organize the division, promoted his brother to the rank of Major General and appointed him its commander. In

the imperial family and at the court this appointment was interpreted as a manifestation of the Emperor’s continuing disfavor: Mikhail was put in charge of a very specific unit consisting of Muslim volunteers from mountain peoples that had not so long ago fiercely resisted Russia during the Caucasian War. The highlanders were known as proud and assertive men, defying standard military discipline and subordination, and it was very difficult to win authority among this kind of soldiers.

In late September 1914 Mikhail Alexandrovich was sent to the Caucasus to get acquainted with his new command and supervise the organization of the Division, and then left for the front together with it.

Let’s say a few words about this unique military unit. The division consisted of three brigades with two regiments in each: the Kabardin and the 2nd Dagestan regiments, the Tatar (Azerbaijani) and the Chechen regiments, the Circassian and the Ingush regiments, respectively [7, p. 9]. Each regiment had 625 officers and enlisted men. The division also included additional units like the Ossetian infantry brigade, the Cossack artillery battalion, the machine-gun detachment etc. Its soldiers, unlike in regular army cavalry, were officially called “riders” instead of “troopers.” The Caucasus Native Cavalry Division was attached to the 2nd Cavalry Corps of the 8th Army fighting in Galicia. In 1915 it was redeployed to the 9th Army, in 1916 – to the 7th Army of the South-western and Rumanian Fronts, and from July 23, 1917 assigned to the 8th Army once again.

Highlander volunteers were distinguished by a very high fighting spirit and daredevil bravery, but had a very peculiar idea of military discipline and subordination. For instance, the riders, many of whom spoke Russian badly, addressed their officers, including generals, not with the polite “vy” (you), as in the regular army, but with the unceremonious “ty” (thou), and the routine life in the division was based exclusively on mutual respect. The highlanders’ specific mentality was also reflected in the fact that they flatly refused to serve in logistical units (they had to be manned by ethnic Russians), and even in such a trifle as the attitude to the design of combat medals. Many authors writing about this division retell the following characteristic story: in the Imperial award system there was a special version of the St. George Order (Cross) for Muslims. As a token of respect for their religious feelings the image of the Orthodox saint – St. George – on the order’s central medallion was replaced by that of the double-headed eagle. The highlanders, though Muslim,

¹ The State Archive of the Russian Federation (GARF), collection 642, inventory 1, file 2332, – P. 24–25 verso. (In Russian).

however, regarded St. George on horseback as an image of a daring warrior, and demanded to be awarded only with this version of the order. So an exception had to be made for them. Their attitude to government issue was also quite “unorthodox”: when the division was formed, its soldiers were given Cossack-style weaponry, including pikes. However, when 9-th Army commander General Platon Alekseyevich Lechitsky reviewed the unit, he saw no pikes. Asking where were they, he received from one of the riders the following answer: highlanders use daggers, sabers and rifles, not pikes, so they threw them away [Sukhov 2012]¹. In fairness, however, it should be noted that in time the highlanders came to appreciate this kind of pole-arms. In fact, it was a pike blow by a Circassian rider that wounded the future president of Yugoslavia Josip Broz Tito, who served in the Austrian army during World War I.

Therefore, an unusual way to discipline the volunteers was found: for major offenses the culprits were discharged from the Division and sent home. The perspective of disgracing themselves before relatives and neighbours horrified the riders more than even the death penalty.

In short, the Caucasus Division got the nickname “Savage” in the Russian army with good reason. But this very peculiarity attracted into its ranks many Russian and even foreign aristocrats (the latter included, for instance, Napoleon Murat, a descendant of the famous French Marshal, and the Persian Prince Feyzullah Mirza Qajar. Historian Vladimir Khrustalev has all the reasons to point out: “By the number of famous names the “Wild Division” could compete with any Guards unit” [10, p. 105].

Relationships between the Grand Duke and his subordinates developed perfectly. The patriarchal, free of servility toward superiors, mores in the division suited Mikhail Alexandrovich with his simple and open manner. The highlanders, for their turn, were certainly flattered by the fact that they were commanded by the Tsar’s sibling. They also appreciated their general’s personal features: his exceptional bravery, physical strength, excellent cavalry training and love for horses.

The Grand Duke took care of his soldiers: for instance, he successfully insisted on the highest service pay for his riders (troopers): they received 25 rubles per month, while in regular units officers’ pay was not much

bigger – 35 rubles. Enlisted men adored and respected their commander, proudly calling him “our jigit (brave and daring horseman in Turkic languages) Misha.”

The Savage Division was dispatched to the South-western Front to fight the Austro-Hungarians in the region of Galicia: the Headquarters thought that the terrain of the Carpathian mountains, which the advancing Russian army was approaching, would be more familiar to the Caucasus highlanders. Therefore in late September – early October 1914 its regiments were redeployed to the Ukraine, where their organization and training were finalized, and on November 15 the division was ordered to move to the frontline and join the 2nd Cavalry Corps under the command of Lieutenant General Huseyn Khan Nakhchivanski that was a part of the 8th Army headed by famous General Aleksei Alekseyevich Brusilov. In December 1914 highlander volunteers got their baptism of fire in the heavy fighting in the Carpathians, when the Austrians, recovering from their defeat in summer, tried to stop the Russian offensive, occupying strongly fortified positions in the mountains and launching frequent counterattacks.

In early January the Austrians went on a large-scale offensive in the Carpathians in an effort to relieve the siege of the Przemyśl fortress encircled by the Russians. The highlanders faced two enemy divisions, but managed in the severe winter conditions to repulse all the attacks and even go to the offensive. Mikhail Alexandrovich regularly went to the frontline and personally led his troops under enemy artillery fire. General P. N. Krasnov, who commanded the 3-d brigade of the Caucasus Native Division at that time, wrote in his memoirs that the Grand Duke’s presence on the frontline had “a great moral importance” for officers and riders, “and they were ashamed to say that they cannot stay in the trenches any more, or complain about heavy enemy artillery fire, when the Emperor’s brother walked around the station that was indeed shelled by heavy guns, and exchanged jokes with his aide-de-camps and other officers” [4, p. 481]. For these battles in January – February 1915 General Brusilov recommended Grand Duke Mikhail for a decoration by the Cross of St. George Fourth Class, noting in the citation: “From January 14 to 25 the force under the Grand Duke withstood the onslaught of overwhelming enemy forces, screening a very important direction to Lomna – Stare Miasto, and when the Cavalry Corps launched a general offensive it assisted the successful advance by aggressive actions... The Grand Duke inspired the troops by his

¹ Sukhov I. “The “Wild Division” free of Myths) // The New Times. 2012. – February 13. – No. 05 (233). [Electronic resource]. URL: <https://newtimes.ru/articles/detail/49735>. (Access date 12.08.2020). (In Russian).

personal presence on the battlefield, even under enemy shrapnel fire that clearly threatened His Highness's life" [3, p. 109]. On March 3, 1915 the Emperor approved the recommendation; after that Mikhail Alexandrovich said that he owed this high award to the bravery of all men of his division.

In this short article it is impossible to describe in detail all the outstanding exploits of the Caucasus Native Cavalry Division. Let us just note that in the summer of 1915, when the elite German units coming to the Austrians' assistance broke the Russian front in Galicia and the ill-famed "Great Retreat" started, the highlanders had to fight hard rearguard battles, delaying and driving back the adversary. Then, when the frontline stabilized, the Savage Division occupied a position along the Dniester River and defended it until the spring of 1916.

The Caucasus Native Cavalry Division won a solid reputation as one of the most brave and battle-worthy units in the Russian Army. The highlanders' combat exploits are reflected in the fact that "16 officers were awarded the Order of St. George, 18 officers – the St. George Sword (an award weapon considered as one of St. George Order grade), 3744 riders – the Cross of St. George and 2344 riders – the Medal of St. George."¹ If we note that in the course of war the total of 7000 people served in the ranks of the Division (including replacements), we will see that practically all its personnel received combat decorations.

Mikhail Alexandrovich himself received for valor in battle the Order of St. Vladimir Third Class with Swords (January 20, 1915), the Order of St. George Fourth Class (March 3, 1915) and the St. George Sword (June 27, 1915).

On February 4, 1916 Mikhail Alexandrovich was appointed the Commander of the 2nd Cavalry Corps.

In his farewell address to the division the Grand Duke said: "It is impossible to enumerate all the individual feats of the Caucasian heroes, representatives of the valiant peoples of the Caucasus, whose selfless service demonstrated an unshakeable loyalty to the Tsar and our common Motherland and glorified forever the young Caucasus regiments now seasoned in bloody battles... As far as I am concerned, I will be proud to my dying day that I was the commander of the Caucasus mountain eagles, now so dear to my heart."²

¹ Russian State Military History Archive (RGVIA), collection 3638, inventory 1, file 84, – P. 51. (In Russian).

² Ibid.

The Caucasus Native Cavalry Division was a part of the 2nd Cavalry Corps since its formation in October 1914. Apart from it, the Corps at various times included the 12th and 19th Cavalry Divisions and the 6th Don Cossack Division. From February 1, 1916 to June 16, 1917 the 2nd Cavalry Corps belonged to the 7th Army under Adjutant General of His Imperial Majesty's Suite Dmitry Grigorievich Shcherbachev. The 7th Army was formed in the Odessa Military District on July 17, 1914, and from August 1915 to April 1918 was a part of the Southwestern Front. In 1916 it took part in the famous Brusilov offensive.

In February 1916 Mikhail Alexandrovich left Gatchina for Mogilev, where he met Nicholas II at his Stavka (Headquarters). Then he went to Kiev and visited the officers' hospital organized under his auspices in collaboration with the Red Cross. According to the memoirs of Yurii Ilyich Lodyzhinsky, an army doctor who had served earlier in the Savage Division, the hospital received wounded officers from all units of the Southwestern Front. It was fully equipped for their successful treatment, having large premises, experienced medical staff and all necessary medical equipment: "at the casualty clearing station the wounded themselves often insisted to be sent to the Grand Duke's hospital" [5, p. 103].

On February 18 the Grand Duke arrived to the Southwestern Front Headquarters in the town of Berdichev, met with its commander Adjutant General N.I. Ivanov (on March 17, 1916 he would be replaced by Adjutant General Aleksei Alekseyevich Brusilov). Then, passing through Kamieniec Podolski, where the 9th Army Headquarters was located, he arrived to Kopychyntsi, to the Headquarters of the 2nd Cavalry Corps which at that time was in the reserve of the 7th Army.

Due to the defeat of the Italians during a successful Austrian offensive in Trentino, Southwestern Front Commander General Brusilov had to change the plan of the offensive scheduled for May 22, 1916. The 7th Army, including the Grand Duke's Corps, was to take part in this operation.

On May 12 Mikhail Alexandrovich wrote in his diary: "Recently the Italians suffered a big defeat, losing some 15 thousand POWs and more than 200 guns. The Germans in the last few days intensified their attacks at Verdun again."³

³ The Diaries and Correspondence of Grand Duke Mikhail Alexandrovich: 1915–1918 /Compiled and edited by V.M. Khrustalev. Moscow: PROZAIK, 2012.– P. 254. (In Russian).

The Grand Duke, however, could not personally take part in the battle due to the exacerbation of his stomach ulcer. 7th Army Commander General Shcherbachev ordered him to go on sick leave and appointed Lieutenant General Prince Konstantin Sergeyevich Begil'deev as temporary Corps Commander.

During the battle the Austro-Hungarian forces confronting the 7th Army were forced to retreat across the Strypa River. The Army's 16th and 22nd Corps together with the 2nd Cavalry Corps routed the 4th Austro-Hungarian Corps and that of Lieutenant Field Marshal Peter von Hoffmann.

On May 30 Mikhail Alexandrovich made the following entry in his diary: "On the battlefield we are still doing well, the Armies of the Southwestern front have captured 1700 officers and 113000 enlisted men."¹

On June 15 Mikhail Alexandrovich returned from his leave.

Meanwhile the fighting went on. The Grand Duke commented on the successes of the Southwestern front as follows: "The approximate count of POWs and trophies during the operation of Adjutant General Brusilov's troops against the Austrian and German armies from May 22 to June 27 gives the figures of 5620 officers and 266000 enlisted men taken prisoner, 312 artillery pieces and 833 machine guns."²

On July 2, 1916 Grand Duke Mikhail Alexandrovich was promoted to Lieutenant General, but without the simultaneous promotion to Adjutant General of His Imperial Majesty's Suite that was usual in such cases. This rank he received only on August 20, 1916.

In late July 1916 the 7th Army carried out another successful combat operation: on July 25 it went to the offensive and captured the Burkanuv forest, on July 31 won the battle with the Southern Army under General F. Von Bothmer, capturing Tlustobaby and Zbarazh, on August 18 broke through the Austrian positions at the Galich axis. Later it achieved another breakthrough in the Naraivka valley. However, its advance to Galich was stopped due to a shortage of heavy artillery and the arriving German reinforcements.

¹ The Diaries and Correspondence of Grand Duke Mikhail Alexandrovich: 1915–1918 / Compiled and edited by V.M. Khrustalev. Moscow: PROZAIK, 2012.– P. 260. (In Russian).

² Ibid. P. 269.

On Brusilov's orders, the 7th Army went to the offensive again on September 3 and managed to inflict heavy losses on the adversary. On September 17 it dealt a new blow to Hoffmann's Corps, throwing it back across the Naraivka and Tseniuvka rivers.

In the fall of 1916 Mikhail Alexandrovich suffered from another exacerbation of his chronic gastric disease and on November 18 he went for treatment to the Crimea together with Natalia Brasova.

On January 19, 1917 the Grand Duke was recalled from the frontline and appointed Inspector General of the cavalry.

General Brusilov left an accurate assessment of Mikhail Alexandrovich's personality: "I liked him very much as an undoubtedly honest man pure of heart, who had nothing to do with any kind of intrigues and wanted only to live as a private person making no use of the Imperial family's privileges. Both in the family life and in the military service he stayed as far as possible from any squabbles; as a soldier he was a brave general, carrying out his duty modestly and diligently" [2, p. 203].

Conclusions

During World War I Grand Duke Mikhail Alexandrovich was a commanding general of the "Savage" Caucasus Native Cavalry Division (from August 23, 1914) and the 2nd Cavalry Corps of the 7th Army (from February 4, 1916). His "riders" from the Caucasus appreciated Mikhail Alexandrovich's exceptional bravery, physical strength, excellent cavalry training and love for horses. He was constantly at the frontline and personally led his troops, receiving high state awards for his exceptional valor. He gained high authority and respect among his subordinates. Under his command the Savage Division won a solid reputation as one of the most brave and battle-worthy units in the Russian Army.

This article is the first assessment of Mikhail Alexandrovich's service in the 2nd Cavalry Corps on the basis of his private diaries. Due to periodical exacerbation of his chronic gastric disease the Grand Duke was not always able to take a personal part in combat operations, but took to his heart and closely followed the military fortunes of the 7th Army and the Southwestern Front in their confrontations with the Austro-Hungarian forces.

During the war Grand Duke Mikhail Alexandrovich proved himself as a brave, valiant soldier and commander, absolutely loyal to his country.

References

1. Aksakova-Sivers T. A. Family chronicle. Paris: Atheneum, Cop., 1988. – Book 1. – 371 p. (in Russian).
2. Brusilov A. A. My memories. – Moskva: Rosspjen, 2001. – 462 p. (in Russian).
3. Kovalev I. A. Romanovs on the fronts of the World War I. – Moscow: Veche, 2016. – 368 p. (in Russian).
4. Krasnov P. N. Memories of the Russian Imperial Army. – Moscow: Ajris-press, 2006. – 598 p. (in Russian).
5. Lodyzhensky Y. N. From the Red Cross to the fight against the communist International. – Moscow: Ajris Press, 2007. – 575 p. (in Russian).
6. Mejlunas A. Nikolai and Alexandra. Love and life. – Moscow: Progress, 1998. – 654 p. (in Russian).
7. Opryshko O. L. Caucasian Cavalry Division, 1914–1917: Return from Oblivion.
8. Nal'chik: Jel'brus, 1999. – 464 p. (in Russian).
9. Pchelov E. V. The Romanovs: History and Genealogy. – Moscow: Akademicheskij proekt, 2018. – 442 p. (in Russian).
10. Hrustalev V. M. Grand Duke Mikhail Alexandrovich. – Moscow: Veche, 2008. – 539 p. (in Russian).
11. Hrustalev V. M. World War I. At the head of the Wild Division. Notes Grand.
12. Duke Mikhail Romanov. – Moscow: AST, 2014. – 672 p. (in Russian).

Information about the author

Anna V. Volodko, PhD in Law, Research Associate, Institute of World History, Russian Academy of Sciences
Address: 32A, Leninsky prospect, 119334, Moscow, Russia
E-mail: avolodko@inbox.ru, tel.: +7 (903) 708–09–78
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4355-6362>

Pedagogy

Педагогик

УДК 37.032

DOI: 10.29013/AJH-20-9.10-10-16

Т. Н. САДЫКОВА¹,**С. Г. МОЛЧАНОВ¹**

¹ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический
университет, г. Челябинск, Российская Федерация

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕДАГОГА КАК СРЕДСТВО УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация

Введение: В статье предлагается актуальная для современной науки проблема управления качеством дошкольного образования посредством профессиональной компетентности педагога, рассматривается структура профессиональной компетентности педагога дошкольного образования и входящие в ее состав образовательные и социальные компетенции.

Материалы и методы: Для понимания сущности профессиональной компетентности педагога дошкольного образования, выделения ее структуры используются такие методы исследования, как анализ нормативно-правовых документов, в которых определены требования к квалификации педагогов, а также анализ научных исследований, рассматривающих различные подходы к пониманию сущности профессиональной компетентности педагога дошкольного образования.

Результаты: По итогам анализа нормативно-правовых документов и научных исследований рассмотрена сущность основных понятий – «качество дошкольного образования», «управление качеством дошкольного образования», «профессиональная компетентность педагога дошкольного образования», структура профессиональной компетентности педагога дошкольного образования как комплекс образовательных и социальных компетенций.

Обсуждение: В статье подчеркивается, что профессиональная компетентность педагога является одним из средств управления качеством дошкольного образования через реализацию образовательных и социальных компетенций.

Заключение: По итогам изучения нормативно-правовых документов и научных исследований дается обоснование содержания феномена «профессиональная компетентность педагога как средство управления качеством дошкольного образования», предлагается структура профессиональной компетенции, характеристика образовательных и социальных компетенций, что в дальнейшем позволит определить для них соответствующие критерии, показатели и методы оценивания, а также формы и методы работы по формированию профессиональной компетентности педагогов дошкольного образования.

Ключевые слова: качество дошкольного образования, управление качеством дошкольного образования, компетенция, компетентность, профессиональная компетентность педагога дошкольного образования,

образовательная программа, структура профессиональной компетентности педагога дошкольного образования, образовательные и социальные компетенции педагога дошкольного образования.

Как цитировать статью: Садыкова Т. Н., Молчанов С. Г. Профессиональная Компетентность Педагога Как Средство Управления Качеством Дошкольного Образования // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2020, No. 9–10. – P. 10–16. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-9.10-10-16>

Основные положения:

- определена сущность понятий «качество дошкольного образования», «профессиональная компетентность педагога как средство управления качеством дошкольного образования» через комплекс образовательных и социальных компетенций;
- рассмотрены требования современных нормативно-правовых документов к уровню профессиональной компетентности педагога, а также различные подходы к пониманию профессиональной компетентности в научной литературе;
- выявлены структурные компоненты профессиональной компетентности педагога через анализ содержания образовательной программы – образовательные и социальные компетенции педагога дошкольного образования.

1. Введение

В современных условиях обновления и модернизации системы образования актуальной является проблема совершенствования деятельности образовательных организаций, повышения качества образования, поиска эффективных средств, которые будут способствовать решению данных задач. В нормативно-правовых документах подчеркивается, что деятельность образовательных организаций, в том числе на уровне дошкольного образования, должна быть ориентирована на достижение качества образовательного процесса (Стратегия инновационного развития Российской Федерации, Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования).

Для достижения качества дошкольного образования необходимы соответствующие средства, одним из которых является профессиональная компетентность педагога. В соответствии с Федеральным законом № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» педагог должен осуществлять профессиональную деятельность в соответствии с установленными в нормативно-правовых документах требованиями, при этом педагог должен постоянно повышать уровень своей подготовки (ст. 48) [1].

В связи с этим важно понимать, что входит в содержание феномена «профессиональная компетентность педагога», какова ее структура, а также какие способы формирования и оценивания профессиональной компетентности педагога необходимо применять с учетом специфики дошкольного образования.

2. Материалы и методы

Рассмотрение проблемы профессиональной компетентности педагога как средства управления качеством дошкольного образования требует анализа нормативно-правовых документов и научных исследований. В первую очередь необходимо определить, что понимается под качеством дошкольного образования.

В Федеральном законе № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в ст. 2 п. 29 качество образования понимается как комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, степень достижения планируемых результатов образовательной программы [1].

В Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования также отражен результат-ориентированный подход к пониманию качества образования как обеспечение для каждого ребенка в получении качественного дошкольного образования на основе единства обязательных требований к условиям реализации образовательных программ дошкольного образования, их структуре и результатам их освоения [2].

С. Е. Шишов, В. А. Кальней, Е. Ю. Гирба считают, что качество образования можно рассматривать как степень достижения образовательных задач [3]. Качество образования можно определить через достижение результата, что выражается в уровне знаний и умений обучающихся, уровня умственного, физического и нравственного развития, которого достигли обучающиеся в соответствии с поставленными целями обучения и воспитания» [4].

Приоритет качества образования как основы образовательной политики делает актуальной проблему по-

иска эффективных механизмов управления качеством дошкольного образования. Под управлением в различных источниках понимается как использование имеющихся средств и ресурсов, которые будут способствовать достижению оптимального результата. Потому основным вектором управления является «цель – результат» [5].

Оценить уровень достижения цели – качество дошкольного образования – возможно через определенные критерии и показатели. Данные критерии и показатели определены в приказе Минобрнауки России от 05.12.2014 N1547 «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества образовательной деятельности организаций, осуществляющих образовательную деятельность». В данном документе предложены такие показатели, как открытость и доступность информации об образовательной организации, комфортность условий образовательной деятельности, компетентность работников образовательной организации и удовлетворенность качеством образования всех субъектов образовательного процесса [6]. Как видно из содержания документа, одним из показателей качества выступает компетентность педагога [7].

В научных исследованиях профессиональная компетентность педагога, в том числе педагога дошкольного образования, раскрывается «заданное социальное требование к готовности воспитателя реализовать образовательные задачи» [8], как «совокупность способов профессиональной деятельности» [9], как «совокупность социально-профессиональных и социально-статусных компетенций» [10].

Наибольший интерес представляет последний подход, предложенный С.Г. Молчановым [11]. Социально-профессиональные и социально-статусные компетенции составляют основу профессионально-педагогической компетентности и выделяются в соответствии с тем, что педагог должен обеспечивать не только содержание образования, но и содержание социализации [12].

Таким образом, на основании анализа нормативно-правовых документов и научных исследований были рассмотрены основные понятия исследования и определено понятие профессиональной компетентности педагога как совокупности компетенций, которые обеспечивают передачу содержания образования и содержания социализации. Далее рассмотрим более подробно структуру профессиональной компетентности педагога дошкольного образования.

3. Результаты

В структуру профессиональной компетентности педагога как средства управления качеством дошкольного образования входит комплекс компетенций. Под компетенцией понимается, в соответствии с теорией профессионально-педагогической компетентности С.Г. Молчанова, совокупность: представлений об объекте (знания), представления о возможных способах работы с объектом (умения и навыки), реальные действия и поступки (способы деятельности и поведения) [11].

Комплекс компетенций, которые входят в структуру профессиональной компетентности педагога дошкольного образования, можно определить на основе анализа такого понятия, как «образовательная программа» с точки зрения Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». В соответствии с этим в структуру образовательной программы включены следующие компоненты, в соответствии с которыми можно выделить образовательные и социальные компетенции педагога дошкольного образования:

- содержание образования – предметные компетенции;
- содержание обучения – дидактические компетенции;
- контрольно-измерительные материалы – качественные компетенции;
- материально-техническое оснащение – технико-технологические компетенции;
- методическое обеспечение (управленческое) – методические компетенции.

Отдельную группу составляют социальные (социально-статусные) компетенции, которые направлены на передачу социализации.

Образовательные (передача содержания образования) и социальные (передача содержания социализации) компетенции определяют, во-первых, то, что должен передать педагог, во-вторых, каким образом будет осуществляться данный процесс, то есть какие формы, методы и средства должны использоваться педагогом, в-третьих, как оценить эффективность образовательного процесса, уровень освоенности воспитанниками содержания образования и содержания социализации, посредством каких контрольно-измерительных средств и материалов.

4. Обсуждение

Проведенный анализ нормативно-правовых документов и научных исследований показал, что фе-

номен «профессиональная компетентность педагога как средство управления качеством дошкольного образования» обуславливает необходимость изучения основных категорий, в том числе понимания качества дошкольного образования, управления качеством дошкольного образования, поиска средств управления, в том числе обоснования профессиональной компетентности педагога дошкольного образования.

Качество дошкольного образования рассматривается как степень соответствия образовательного процесса в дошкольной образовательной организации закрепленным в Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования и образовательной программе ДОО целевым установкам, целевым ориентирам.

Для обеспечения качества дошкольного образования должна быть создана эффективная система управления, которая направлена на обоснование средств управления, обеспечивающих соответствие образовательного процесса в дошкольной образовательной организации целевым ориентирам. Профессиональная

компетентность педагога выступает как одно из средств управления качеством дошкольного образования.

Профессиональная компетентность педагога дошкольного образования понимается как комплекс компетенций – образовательных и социальных. К ним относятся предметные, дидактические, квалиметрические, технико-технологические, методические и социально-статусные компетенции. Данные компетенции педагога в совокупности позволяют эффективно решать задачи профессиональной деятельности и обеспечить качество образовательного процесса в дошкольной образовательной организации.

5. Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования выявлено, что структура профессиональной компетентности педагога дошкольного образования включает в себя образовательные и социальные компетенции. Данный подход позволяет в дальнейшем определить способы формирования и оценивания профессиональной компетентности.

Список литературы

1. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/70291362/4c3e49295da6f4511a0f5d18289c6432/> (дата обращения: 10.03.2020).
2. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 17 октября 2013 г. № 1155 г. Москва «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования» [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2013/11/25/doshk-standart-dok.html> (дата обращения: 10.03.2020).
3. Шишов С. Е., Кальней В. А., Гирба Е. Ю. Мониторинг качества образовательного процесса в школе: монография. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 205 с.
4. Профессиональная деятельность педагога: новые подходы и решения: коллективная монография / А. Ю. Нагорнова, Л. Ю. Байбородова, Р. М. Шерайзина и др.; отв. ред. А. Ю. Нагорнова]. – Ульяновск: Зебра, 2017. – 287 с.
5. Как воспитателю выстраивать деятельность по профессиональному стандарту / авт.-сост. Ю. А. Афонькина. – Волгоград: Учитель, 2018. – 209 с.
6. Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества образовательной деятельности организаций, осуществляющих образовательную деятельность: приказ Министерства образования и науки РФ от 5 декабря 2014 г. № 1547 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70859410/> (дата обращения: 10.03.2020).
7. Персонифицированная программа развития профессиональной компетентности воспитателя / С. В. Абасова, С. Ф. Багаутдинова, С. В. Владельщикова. – Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2019. – 79 с.
8. Соломенникова О., Гладкова Ю. Профессиональная компетентность современного педагога: вопросы формирования и непрерывного совершенствования // Дошкольное воспитание. 2018. – № 11. – С. 86–93.
9. Абашина В. В. К вопросу о профессиональной компетентности педагога дошкольного образования в современных условиях // Мир науки. 2017. – № 1. – Т. 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/49PDMN117.pdf> (дата обращения: 10.03.2020).

10. Панфилова О. И. Понятие «профессиональная компетентность» и различные подходы к изучению феномена данного понятия // Инновационные педагогические технологии: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). – Казань: Бук, 2016. – С. 3–6.
11. Молчанов С. Г., Садыкова Т. Н. Основания для построения теории профессионально-педагогической компетентности // Социум и власть. 2018. – № 1(69). – С. 113–126.
12. Молчанов С. Г., Садыкова Т. Н. «Целевые ориентиры», «результаты освоения», «учебные достижения» или все-таки поступки – объект мониторинга // Детский сад от А до Я: Научно-методический журнал для педагогов и родителей. 2018. – № 3(93). – С. 4–20.

Информация об авторе

Садыкова Таслима Нурисовна, аспирант, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Российская Федерация. Музыкальный руководитель, МБДОУ «ДС «Непоседы», Муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учреждение «Детский сад «Непоседы».

Адрес: 629601, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Муравленко, улица Школьная дом 20, кв. 20.

E-mail: taslima.s@bk.ru

ORCID No. 0000-0002-6583-5944

Молчанов Сергей Григорьевич, Профессор, доктор педагогических наук, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Российская Федерация.

E-mail: molchanovsg@cspu.ru

ORCID No. 0000-0003-1089-2711

T. N. SADYKOVA¹,

S. G. MOLCHANOV¹

¹ South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation

PROFESSIONAL COMPETENCE OF A TEACHER AS A TOOL OF PRESCHOOL EDUCATION QUALITY MANAGEMENT

Abstract

Introduction. The article considers the problem of professional competence, describes the essence and structure of a preschool teacher professional competence.

Materials and methods. The main research methods involve the analysis of regulatory documents and scientific literature on the problem of the formation of a preschool teacher professional competence.

Results. The content of “Professional competence of a teacher” concept has been studied, various viewpoints on understanding the quality of preschool education and preschool education quality management have been presented, the structure of a preschool teacher professional competence as a combination of educational and social expertise has been determined.

Discussion. It is emphasized that professional competence of a teacher as a combination of educational and social expertise is a tool of preschool education quality management.

Conclusion. It is concluded that validation of the content of “professional competence of a teacher as a tool of preschool education quality management” phenomenon will allow one to develop criteria, indicators and methods for assessing professional competence, as well as find effective forms, methods and means of forming professional competence of preschool education teachers.

Keywords: quality, quality of education, management, preschool education quality management, competence, expertise, professional competence of a teacher, educational and social expertise of a teacher.

References

1. Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 29, dekabrya 2012. – № 273-FZ. [On education in the Russian Federation: Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FL.] Available at: URL: <https://base.garant.ru/70291362/4c3e49295da6f4511a0f5d18289c6432/> (Accessed: 10.03.2020). (In Russian).
2. Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta doshkol'nogo obrazovaniya: Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii (Minobrnauki Rossii) ot 17 oktyabrya. 2013. – № 1155 g. – Moskva [On the approval of the federal state educational standard for preschool education: Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of October 17, 2013 No. 1155 Moscow]. Available at: URL: <https://rg.ru/2013/11/25/doshk-standart-dok.html/> (Accessed: 10.03.2020). (In Russian).
3. Shishov S. E., Kalney V. A., Girba E. Y. Monitoring kachestva obrazovatel'nogo processa v shkole [Monitoring the quality of the educational process at school]. Monograph. 2018. – 205 p. (In Russian).
4. Nagornova A. Y., Baiborodova L. Y., Sheraizina R. M., et. al. Professional'naya deyatel'nost' pedagoga: novye podhody i resheniya [Professional activity of a teacher: new approaches and solutions]. Collective monograph. Ulyanovsk: Zebra. 2017. – 287 p. (In Russian).
5. Afonkina Y. A. Kak vospitatel'nyy vystraivat' deyatel'nost' po professional'nomu standartu [How to organize activities according to a professional standard for an educator]. – Volgograd: Teacher. 2018. – 209 p. (In Russian).
6. Ob utverzhdenii pokazatelej, harakterizuyushchih obshchie kriterii ocenki kachestva obrazovatel'noj deyatel'nosti organizacij, osushchestvlyayushchih obrazovatel'nyy deyatel'nost': prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 5 dekabrya 2014 g. № 1547. [On the approval of indicators characterizing the general criteria for assessing the quality of the educational activities of organizations engaged in educational activities: Order No. 1547 of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated December 5, 2014]. Available at: URL: <https://base.garant.ru/70859410/> (Accessed: 10.03.2020). (In Russian)
7. Abasova S. V., Bagautdinova S. F., Vladelschikova S. V. Personificirovannaya programma razvitiya professional'noj kompetentnosti vospitatel'ya [Personalized program for the development of professional competence of the educator] Magnitogorsk: Magnitogorskij dom pečati. 2019. – 79 p. (In Russian).
8. Solomennikova O., Gladkova Y. Professional'naya kompetentnost' sovremennogo pedagoga: voprosy formirovaniya i nepreryvnogo sovershenstvovaniya [Professional competence of a modern teacher: issues of formation and continuous improvement] Doshkol'noe vospitanie. 2018. – No. 11. – P. 86–93. (In Russian).
9. Abashina V. V. K voprosu o professional'noj kompetentnosti pedagoga doshkol'nogo obrazovaniya v sovremennyh usloviyah [On the question of the professional competence of the teacher of preschool education in modern conditions] Mir nauki. 2017. – No. 1. – T. 5. Available at: URL: <http://mir-nauki.com/PDF/49PDMN117.pdf> / (Accessed: 10.03.2020). (In Russian).
10. Panfilova O. I. Ponyatie «professional'naya kompetentnost'» i razlichnye podhody k izucheniyu fenomena dan-nogo ponyatiya [The concept of “professional competence” and various approaches to the study of the phenomenon of this concept] Innovacionnye pedagogicheskie tekhnologii: materials of the V Intern. scientific. conf. (Kazan, October 2016). Kazan: Buk. 2016. – P. 3–6. (In Russian).
11. Molchanov S. G., Sadykova T. N. Osnovaniya dlya postroeniya teorii professional'no-pedagogicheskoy kompetentnosti [The grounds for constructing the theory of professional and pedagogical competence]. Socium i vlast'. Nomer, 2018. – 1(69). – P. 113–126. (In Russian).
12. Molchanov S. G., Sadykova T. N. «Celevye orientiry», «rezul'taty osvoeniya», «uchebnye dostizheniya» ili vse-taki postupki – ob'ekt monitoringa [“Target guidelines”, “development results”, “educational achievements” or actions in the end – the object of monitoring]. Detskij sad ot A do YA: Nauchno-metodicheskij zhurnal dlya pedagogov i roditelej. 2018. – No. 3(93). – P. 4–20. (In Russian).

Information about the author

Sadykova Taslima Nurisovna, postgraduate student, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation. Musical director, MBDOU “DS” Fidgets “, Municipal budgetary preschool educational institution” Kindergarten “Fidgets”.

Address: 629601, Yamalo-Nenets Autonomous District, Muravlenko, Shkolnaya street 20, apt. 20.

E-mail: taslima.s@bk.ru

ORCID No. 0000-0002-6583-5944

Molchanov Sergey Grigorievich, professor, Doctor of Pedagogical Sciences, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation

E-mail: molchanovsg@cspu.ru

ORCID No. 0000-0003-1089-2711

Political science

Политология

УДК 351.82:339

DOI: 10.29013/AJH-20-9.10-17-22

И. В. АНТИПЕНКО ¹,¹ *Национальная академия государственного управления при Президенте Украины, г. Киев, Украина*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ ИНТЕГРАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ УКРАИНЫ В ГЛОБАЛЬНЫЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС

Аннотация

Цель: Определение политических рисков интеграции национальной экономики в глобальный хозяйственный комплекс.

Методы: сравнения, обобщения, наблюдения, систематизации, а также метод аналогии и абстрактно-логический метод.

Результаты: в статье определены политические риски для Украины, вызванные интеграцией национальной экономики в глобальный хозяйственный комплекс, в частности: деградация процесса демократизации государственного управления; десоверенизация экономической политики и энергетической системы украинского государства; эскалация политических конфликтов в государстве и возникновение перманентных политических кризисов; выявлены предпосылки для их возникновения, коими являются, как присущие национальной экономической системе внутренние уязвимости, такие как низкотехнологичность производства, сырьевая специализация самых конкурентоспособных отраслей, сильная зависимость от политической сферы, так и внешние обстоятельства – зависимость от конъюнктуры мировых сырьевых рынков, экономической и энергетической политики стратегических торговых партнеров Украины, конкурентным давлением ТНК и т.д.

Научная новизна: в статье на основе представленных методов научного анализа получило дальнейшее развитие направление в исследовании влияния глобализации на возникновение политических рисков в Украине, в частности на примере процесса интеграции национальной экономики в глобальный хозяйственный комплекс.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и прикладной деятельности при рассмотрении вопросов государственного управления политическими рисками в Украине.

Ключевые слова: политический риск, глобализация, государство, интеграция, национальная экономика, глобальный хозяйственный комплекс, инвестиции, ТНК.

Как цитировать статью: Антипенко И. В. Политические риски интеграции национальной экономики Украины в глобальный хозяйственный комплекс // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2020, No. 9–10. – Р. 17–22. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-9.10-17-22>

Введение

Глобализация умножает неопределенности и требует осознания многоплановости возможных внешних

рисков и опасностей для государства. Динамичность процессов глобализации создает известную проблему адаптации к «новым правилам игры» тех государств,

чи национальные экономики сравнительно недавно начали интеграцию в мировой хозяйственный комплекс. В научной среде рискогенное влияние глобализации на социально-экономическое развитие Украины никем не оспаривается. Исследователи [1–3, 5–6] указывают на такие традиционные уязвимости национальной экономики к внешним воздействиям как: слабые институциональные рычаги стимулирования инвестиционно-инновационной деятельности украинских товаропроизводителей и экспортеров, продвижение и защиту их экономических интересов на внешних рынках; отраслевые и региональные диспропорции в распределении инвестиций; высокое социально-экономическое расслоение в обществе; слабый уровень диверсификации энергоресурсов; неэффективная структура производства и тому подобное.

Впрочем, возникновение политических рисков при интеграции национальной экономики в мировое хозяйство среди украинских ученых является малоисследованной темой. Для Украины интеграционные процессы наряду с потенциальными выгодами для усиления конкурентоспособности ее экономики в условиях неопределенности порождают также значительное количество рисков разного происхождения. Заметим, что понятие политического риска используется для описания широкого спектра различных видов возможных и прямых угроз национальной безопасности, в том числе экономической, репутации и легитимности правительства и реализации им политического курса, социальной и политической стабильности в государстве и тому подобное. Политические риски в разной степени взаимосвязаны и генерируют неопределенность, опасности и, как результат, приводят к различным кризисным ситуациям.

Целью статьи является определение политических рисков интеграции национальной экономики в глобальный хозяйственный комплекс.

Результаты исследования

Важное место в процессе интеграции в глобальный хозяйственный комплекс занимают соглашения о свободной торговле между Украиной и странами мира (и их группами). С 1 января 2016 г. началось временное применение раздела IV Соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским Союзом в части углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли. С 1 сентября 2017 г. Соглашение об ассоциации между Украиной и ЕС вступило в силу в полном объеме [4]. Однако заинтересованность стран Евро-

пейского Союза в торговле с Украиной, касающихся преимущественно сырьевых товаров, объясняется наличием присущего европейской экономике высокого спроса на продукцию с низкой степенью обработки. С точки зрения стран ЕС Украина является конкурентоспособной страной, но это касается в большей степени важной для них ресурсной составляющей. Хотя такая специализация не обеспечивает значительного расширения рабочих мест и закрепляет технологическую зависимость от развитых стран [1, с. 39].

Как следствие, украинская экономика интегрируется, в частности, в европейские рынки за счет незначительного количества конкурентных сырьевых секторов, среди которых наиболее стратегическое значение имеет агропромышленный.

Так, на сегодняшний день, согласно отчету о состоянии торговли ЕС агропромышленной продукцией, Украина заняла третье место среди крупнейших сельскохозяйственных импортеров в ЕС, и имеет мировое лидерство по темпам роста импорта в ЕС сельскохозяйственной продукции [6].

В то же время международный и отечественный опыт свидетельствует, что евроинтеграционные процессы не происходят без проблем. Перед украинской экономикой стала проблема необходимости адаптации технических регламентов и норм к стандартам ЕС, освоения европейского рынка, обеспечения финансирования отечественных экспортеров, привлечения и рационального использования прямых иностранных инвестиций. Однако многие украинские исследователи справедливо отмечают, что в последние годы украинские товаропроизводители активно не подстраивали экспорт под структурные изменения на мировом товарном рынке, не использовали имеющиеся экспортные доходы для закупки импортного передового оборудования, новых технологий с целью расширения выпуска конкурентоспособной продукции для внутреннего рынка. Такая ситуация, по мнению ведущих специалистов Национального института стратегических исследований, несет прямые угрозы углубления дисбаланса товарных и финансовых рынков, сохранения неэффективной структуры производства, нерационального использования сырьевой ресурсной базы и производственных мощностей, а также дальнейшим технологическим отставанием от развитых стран [1, с. 46].

В политическом измерении это означает риск консервации такого политического режима, при котором

государство как общественный институт обслуживает в первую очередь политические и экономические интересы крупных экспортеров непосредственно или через соответствующее лобби в органах публичной власти и управления. Среди прочего это порождает проблемы с последующей демократизацией системы государственного управления, в том числе, публичности процесса принятия политико-управленческих решений, что будет только усиливать уровень политической и социальной нестабильности в государстве, которое и так находится в состоянии гибридного конфликта с Россией.

Следует учесть и возможные негативные последствия включения государств, находящихся на низкотехнологичных стадиях развития производства, в промышленные цепи более развитых стран, что в общем касается и Украины. Такой процесс безусловно приводит к усилению зависимости национальной экономики от иностранного капитала и существенно снижает ее конкурентоспособность. Прежде всего это касается инвестиций в предприятия, осуществляющих производство преимущественно экспортной направленности в рамках схем производственной кооперации транснациональных корпораций (ТНК) [2, с. 143–145].

С одной стороны, нельзя исключать того факта, что сегодня ТНК являются неотъемлемыми субъектами международных экономических отношений, поскольку приносят огромные доходы, дают тысячи рабочих мест, внедряют новые технологии и др. С другой – в таком сотрудничестве для таких государств как Украина, которая сравнительно поздно начала интеграцию в мировой хозяйственный комплекс, есть множество рисков различного генезиса.

Так, вследствие своих монопольных позиций ТНК могут сдерживать национальный экспорт. Полученная прибыль не остается в принимающей стране, а переходит в страну-донора, например, акционерам компаний. Национальные предприятия могут не выдерживать конкуренции со стороны крупных ТНК, поскольку не обладают информационными, финансовыми, материально-техническими ресурсами в той мере, в которой обладают ТНК. Кроме того, они не имеют возможности снижать стоимость продукции за счет снижения затрат эффектом масштаба, не имеют такой научно-исследовательской базы и не имеют возможности развить популярность своего бренда до такого же уровня за счет существенных вложений в маркетинговые инструменты [3].

Наконец стоит упомянуть и о внутренних уязвимости государств, являющихся объектом инвестиций, в частности Украины. Нельзя не согласиться с утверждением некоторых отечественных специалистов, что правовые особенности функционирования ТНК на территории Украины до сих пор не урегулированы, а многократные попытки привлечения иностранных инвестиций в Украину традиционно сталкиваются со множеством проблемных вопросов такими как: политическая нестабильность, непредсказуемость и непрозрачность государственной политики, неурегулированность законодательного обеспечения инвестиционного процесса, чрезмерное фискальное давление, узость внутреннего рынка, несовершенство отраслей инфраструктуры, низкое качество жизни в Украине и т.д. [2, с. 149].

Таким образом, эти и другие риски, и уязвимости национальной экономики имеют высокий потенциал стать политическими рисками, учитывая тот факт, что мощный транснациональный капитал имеет соответствующие возможности лоббировать собственные интересы на политическом уровне в национальных государствах со слабыми политическими и правовыми институтами, к которым относится и Украина. Понятно и то, что корректирования ТНК экономической политики суверенного государства в условиях поглощения ими национального капитала или вытеснения его из прибыльных отраслей потенцирует возникновение правительственных и более масштабных политических кризисов.

Важным для анализа нашего вопроса является интеграция энергетического рынка Украины. Последняя, как известно, является крупным центром производства и потребления энергоресурсов. Однако успешной интеграции национального энергетического рынка в европейский мешает ряд существенных проблем: структурная несбалансированность в возможностях регулирования графика нагрузок, несоответствие генерации европейским параметрам качества электроэнергии, отсутствие свободных инвестиционных ресурсов для радикального изменения структуры, технологического уровня, ресурсной базы и энергетической инфраструктуры [5, с. 184]. Усугубляет перечисленные факторы политизированность самого рынка, и то, что вопрос энергетической безопасности больше относится к политическому измерению, нежели к экономическому.

Так, приостановив процесс двусторонней энергетической дипломатии с Россией, перспективы

использования транзитного потенциала украинской газотранспортной системы, а также условия ее использования в значительной степени зависят от характера политического диалога Европейского Союза с РФ [5, с. 192]. Также нельзя не отметить, тенденции в энергетической политике ЕС в направлении уменьшения доли российских энергоносителей за счет развития производства альтернативных видов энергии, что с одной стороны должно стимулировать развитие в Украине «зеленой» энергетики, но с другой – создает серьезный риск потери позиции нашего государства как одного из основных коридоров транзита природного газа в Европу, что будет иметь далеко идущие политические последствия как для будущих украинских правительств, так и для общества в целом.

Выводы

Трансформационные процессы в Украине, начавшиеся с получением независимости не были синхронизированы, органически связаны и интегрированы с глобальными трансформациями, к тому же экономические полюса взаимодействия не имели четкой, однозначной и долгосрочной стратегии. Тесная связь экономической и политической сферы государства, значительная политизированность стратегических

решений создают неблагоприятную среду для решения таких проблемных вопросов как интеграция в глобальный рынок.

К политическим рискам интеграции национальной экономики в глобальный хозяйственный комплекс мы отнесем в первую очередь: консервацию такого политического режима, при котором приоритетной задачей государственного управления является обслуживание политических и экономических интересов крупных экспортеров вследствие односторонности развития Украины как сырьевого ресурсного придатка мирового хозяйства; углубление зависимости национальной энергетической системы и энергетического рынка от внешнеполитической конъюнктуры.

Особого внимания заслуживают политические риски для Украины со стороны ТНК, вызванные усилением зависимости экономики от иностранного капитала и монополизация рынков мощными иностранными инвесторами отдельных отраслей экономики. Выявлено, что среди таких рисков возможны: десуверенизация экономической политики; поглощение национального капитала и ослабление его политического представительства во власти, что следствие будет вести к эскалации политических конфликтов в государстве.

Список литературы

1. Безпека та конкурентоспроможність економіки України в умовах глобалізації: монографія / за заг. ред. О. С. Власюка. – К.: НІСД, 2017. – 384 с.
2. Власюк О. С. Економічна безпека України в умовах ринкових трансформацій та антикризового регулювання. – К.: ДННУ “Акад. фін. управління”, 2011. – 474 с.
3. Джур О. Є., Оксено К. О. ТНК і високотехнологічний бізнес: вигоди та ризики для України. Економіка і суспільство, 2018. – Вип. 19. URL: http://economyandsociety.in.ua/journal/19_ukr/57.pdf
4. Зона вільної торгівлі між Україною та ЄС / Міністерство закордонних справ України. URL: <https://mfa.gov.ua/yevropejska-integraciya/ugoda-pro-asociaciyu-mizh-ukrayinoyu-ta-yes/zona-vilnoyi-torgivli-mizh-ukrayinoyu-ta-yes>
5. Структурні зміни у світовій торгівлі як чинник розвитку внутрішнього ринку України: колективна монографія / за ред. д-ра екон. наук, чл.-кор. НААН України Т. О. Осташко; НАН України, ДУ «Ін-т екон. та прогнозів НАН України». – К., 2019. – 350 с.
6. Monitoring EU Agri-Food Trade: Development until July 2019. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/food-farming-fisheries/trade/documents/monitoring-agri-food-trade_july2019_en.pdf

Информация об авторе

Антипенко Ирина Викторовна, кандидат юридических наук, докторант кафедры публичной политики и политической аналитики, Национальная академия государственного управления при Президенте Украины
Адрес: 03057, г. Киев, Украина, ул. Антона Цедика, 20.
E-mail: policy2020@ukr.net; тел.: 097-513-00-49
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9520-4353>

I. V. ANTYPENKO¹,¹ *National Academy for Public Administration under the President of Ukraine, Kyiv, Ukraine*

THE POLITICAL RISKS OF UKRAINE'S NATIONAL ECONOMY INTEGRATION INTO THE GLOBAL ECONOMIC COMPLEX

Abstract

Objective: To define the political risks of the national economy integration into the global economic complex.

Methods: Comparisons, generalizations, observations, systematization as well as the method of analogy and abstract-logic method.

Results: The article identifies political risks for Ukraine caused by the integration of the national economy into the global economic complex, in particular: degradation of the democratization process of public administration; desovereignization of economic policy and energy system of the Ukrainian state; escalation of political conflicts in the state and the permanent political crises. The author has identified the preconditions for their emergence, which are both inherent to the national economic system internal vulnerabilities, such as low-tech production, raw material specialization of the most competitive sectors, strong dependence on the political sphere, and external circumstances – dependence on the world commodity markets, economic and energy policy of Ukraine's strategic trade partners, competitive pressure of TNCs, etc.

Scientific novelty: in the article, based on the methods of scientific analysis, the direction in the study of the impact of globalization on the political risks in Ukraine has been further developed, in particular, on the example of the integration of the national economy into the global economic complex.

Practical significance: the main points and conclusions of the article may be used in scientific and practical activities in consideration of issues of the public governance of political risks in Ukraine.

Keywords: political risk, globalization, state, integration, national economy, global economic complex, investments, TNK.

References

1. Vlasjuk O. S. Bezpeka ta konkurentospromozhnist ekonomiky Ukrainy v umovakh hlobalizatsii (Security and competitiveness of the Ukrainian economy in the context of globalization), – Kyiv: The National Institute for Strategic Studies, 2017. – 384 p. (in Ukrn.)
2. Vlasjuk O. S. Ekonomichna bezpeka Ukrainy v umovakh rynkovykh transformatsii ta antykrizovoho rehuliuвання (Economic security of Ukraine in conditions of market transformations and anti-crisis regulation), – Kyiv: State Educational and Scientific Institution "Academy of Financial Management", 2011. – 474 p. (in Ukrn.)
3. Dzhur O. Ye., Okseno K. O. TNK i vysokotekhnolohichniy biznes: vyhody ta ryzyky dlia Ukrainy (TNC and high-tech business: benefits and risks for Ukraine), Economy and Society, 2018. – Vol. 19. URL: http://economyandsociety.in.ua/journal/19_ukr/57.pdf/ (accessed: 16.05.2020).
4. Ministry of Foreign Affairs of Ukraine, EU-Ukraine Free Trade Area. URL: <https://mfa.gov.ua/yevropejska-integraciya/ugoda-pro-asociaciyu-mizh-ukrayinoyu-ta-yes/zona-vilnoyi-torgivli-mizh-ukrayinoyu-ta-yes/> (accessed: 16.05.2020).
5. Ostashko T. O. Strukturni zminy u svitovii torhivli yak chynnyk rozvytku vnutrishnoho rynku Ukrainy (Structural changes in world trade as a factor of domestic market development in Ukraine), – Kyiv: State institution "Institute for Economics and Forecasting NAS of Ukraine", 2019. – 350 p. (in Ukrn.)
6. European Commission, Monitoring EU Agri-Food Trade: Development until July 2019. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/food-farming-fisheries/trade/documents/monitoring-agri-food-trade_july2019_en.pdf/ (accessed: 17.05.2020).

Information about the author

Antypenko I. V., PhD in Law, doctoral candidate of the Public Policy and Political Analysis Chair,
National Academy for Public Administration under the President of Ukraine.

Address: 03057 Kyiv, Ukraine, street Anton Tsedik, 20, tel. 097–155–48–57

E-mail: policy2020@ukr.net

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9520-4353>

Philology and linguistics

Филология и лингвистика

УДК 81.374

DOI: 10.29013/AJH-20-9.10-23-32

Е. Ю. ВАУЛИНА ¹,¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

ПОЛИСЕМΙΑ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ПОЛНОГО ТИПА) ¹

Аннотация

Цель: исследовать особенности полисемии в лексической системе современного русского языка на представительном материале толкового словаря полного типа.

Методы: анализ структуры словарных статей, статистический анализ лексикографических данных.

Результаты: Составляемый в настоящее время «Словарь русского языка XXI века» является словарем полного типа, ориентированным на синхронное описание языковой системы. Материалы этого словаря (около 90000 готовых в настоящее время словарных статей) были использованы для анализа данных о количественном представлении многозначных слов и некоторых черт их семантической структуры. Анализ показывает, что «Словарь русского языка XXI века» фиксирует полисемию гораздо шире, чем следует из расчетов на основе разработанной А. А. Поликарповым и В. В. Поддубным стохастической модели. Количество многозначных слов велико среди слов, недавно пополнявших лексику русского языка, при этом они демонстрируют множество регулярных и продуктивных типов многозначности. Процессы активного формирования многозначности и перегруппировки значений в семантической структуре слова являются индикатором относительного стабильного периода развития лексической системы по сравнению с широким заимствованием или формированием новых лексических единиц.

Научная новизна: характеристика полисемантов в лексической системе современного русского языка впервые рассмотрена на количественно представительном материале.

Практическая значимость: материалы и выводы статьи могут быть использованы в теоретических описаниях лексической системы современного русского языка, в том числе имеющих учебные цели, при изучении активных процессов в лексике русского языка XXI века и исследовании отображения картины мира в современном русском языке.

Ключевые слова: полисемия; толковый словарь полного типа; структура словарной статьи; значение; лексико-семантическая единица; современное состояние лексической системы.

Как цитировать статью: Ваулина Е. Ю. Полисемия в лексической системе современного русского языка (на материале толкового словаря полного типа) // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2020, No. 9–10. – P. 23–32. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-9.10-23-32>

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00122 «Язык и словарь: толковый словарь как объект и эмпирическая база лингвистических исследований» (по материалам Словаря русского языка XXI века под ред. Г. Н. Складневской).

Введение

Полисемия, одно из основных проявлений асимметричного дуализма языкового знака, исследуется в современной русистике с позиций связи семантики языка и когнитивных процессов человека в качестве результата концептуализации, категоризации и номинации [1, с. 94]. Подход к развитию многозначности как способу категоризации действительности, создания целостной концептуальной картины мира языковой личности приводит к пониманию организации поля многозначности как распределенной сети. Устойчивое инвариантное ядро значения – лексический прототип, – обуславливает «семантическую вариативность слова, его способность быть примененным к широкому кругу референтов» [1, с. 93], что дает возможность исследовать полисемию, словообразование и образование фразеологизмов как «векторы реализации креативного потенциала лексемы» [2, с. 179]. В рамках изучения многозначности исследуется структура полисемии слов определенных семантических классов, топологические типы многозначности – радиальный, цепочечный и радиально-цепочечный [3, с. 182], ее регулярные типы [3, с. 191–215]. Типовая полисемия подробно описана для отдельных грамматических и лексико-грамматических разрядов лексики, внутренние механизмы образования нового значения слова исследованы на материале некоторых многозначных слов (прежде всего, имеющих большое значение для русской языковой и концептуальной картины мира). Признание современной лингвистикой возможности развития семантической структуры у специального слова привело к анализу причин возникновения терминологической полисемии, ее типов, межотраслевых переходов лексических единиц [4–9]. В. В. Морковкиным сформулированы лингвистические основы появления лексической многозначности: «во-первых, гетерогенный характер (семантическая многоэлементность) лексического значения (наличие в нем сем, относящихся к разным стратам); во-вторых, возможность частеречного переосмысления лексического значения; в-третьих, возможность выборочной актуализации отдельных сем по требованию контекста (т.е. под влиянием партнеров по словосочетанию или предложению); в-четвертых, действующий на всех уровнях языка закон аналогии (давление системы)» [10, с. 59–60]. Исследования, связанные с динамическим характером полисемии и рассмотрением

ее диахронического аспекта [11; 12], предполагают возможность изучения этого явления в синхронии.

Отражение полисемии в лексикографии

Относимая в практической словарной деятельности «к числу наиболее сложных объектов лексикографирования» [10, с. 63], полисемия привлекает внимание и теоретической лексикографии. А. А. Поликарповым и В. В. Поддубным построена стохастическая динамическая модель развития полисемии, согласно которой языковой знак «возникает в языке первоначально в некотором единственном, обычно весьма конкретном смысловом значении и с течением времени приобретает дополнительные, обычно все более абстрактные значения (полисемию), пока не исчерпает свой так называемый ассоциативно-семантический потенциал (АСП) и не достигнет своей максимально возможной многозначности. Этот процесс идет с постоянным замедлением» [13, с. 118]. Исследуя системные связи в лексике по данным словарей, А. А. Поликарпов и В. Я. Курлов отмечают асимметричность распределения развития полисемии слова во времени: «в реальности слова по степени их способности к развитию полисемии и к определенной длительности жизни представлены в языке <...> неравномерно. Наиболее многочисленны слова с минимальной полисемической активностью и с минимальной продолжительностью жизни, т.е. рождающиеся, коротко живущие и умирающие однозначными. В определенной степени меньше слов, способных на минимальное развитие полисемии (например, способных в своей истории в какой-то период стать двузначными). В такой же степени по отношению к двузначным еще меньше слов, развивающихся в своей истории максимум до трехзначности и т.д.» [14, с. 63]. Исследование было построено на материале трех томов четырехтомного «Словаря русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой, по приведенным данным объемом в 63386 слова. Общее количество лексико-семантических вариантов слов этой части словаря составило 95702. Авторами исследования обоснован выбор словаря среднего типа: по их наблюдениям, расширение «большого» словаря в сравнении со средним достигается в первую очередь за счет «преимущественно однозначных терминов» и производных «малозначных слов» [14, с. 66, 70].

«Словарь русского языка XXI века»: отражение увеличения количества полисемантов

Составляемый в Лаборатории компьютерной лексикографии института прикладной русистики Рос-

сийского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена в настоящее время «Словарь русского языка XXI века» под редакцией профессора Г. Н. Складневской (далее Словарь) относится к словарям «большого типа» и ориентирован на подробную семантическую разработку каждой включаемой в словник единицы. В конце 2019 года был опубликован первый пилотный том Словаря, но так как работа над ним ведется не по алфавитному, а по гнездовому и частично тематическому принципам [15, с. 136–137], на данный момент можно говорить о представительном материале для исследования – более 90000 вокабул.

Словарь представляет синхронное описание лексической системы, тогда как структура многозначного слова в теоретических исследованиях традиционно рассматривается с учетом вклада исторически первых значений, даже если они не относятся к активному словарному запасу носителей современного языка. Кроме того, в современные теоретические исследования включается и полисемия на уровне лексико-грамматических классов слов: «примерами лексико-грамматической полисемии в русском языке могут служить наречная и субстантивная семемы лексемы никуда “ни в какое место, ни в одно из мест, ни в каком направлении” и “место, где ничего нет, пустота” [16, с. 207]. В анализируемом Словаре такие случаи показываются как омонимы, поэтому можно ожидать, что явление полисемии будет представлено в нем не так наглядно. Применив соотношение, полученное А. А. Поликарповым по трем томам «Словаря русского языка» в 4-х томах, получаем 139945 лексико-семантических единиц для такого имеющегося на данный момент объема словника. Однако на самом деле материалы Словаря уже содержат 148300 отдельных пронумерованных значений.

При рассмотрении полисемии в качестве отдельной лексико-семантической единицы (лексемы в терминологии Московской семантической школы [17, с. 88]) «рассматриваются не только семантические отдельности, обозначенные арабскими цифрами, но вообще все семантические филиации, сопровождаемые объяснительными текстовыми отрезками (толкованиями)» [10, с. 62]. В словарях выделяется три способа представления многозначности: раздельное предъявление значений, совмещенное предъявление значений и обобщенное предъявление двух или более значений; при этом, как отмечает В. В. Морковкин, «авторы лексикографических произведений даже

в пределах одного и того же словаря могут пользоваться разными техниками отражения многозначности» [10, с. 62, 65]. Совмещенное или обобщенное представление значений полисемантов выбирается в рамках разрешения противоречий между объемом словаря и установкой на последовательный показ функционально-стилистической характеристики значения, между подробностью семантической разработки и стремлением показать место описываемой единицы в общей модели лексической системы языка.

Совмещенное представление значений в материалах Словаря осуществляется прежде всего с помощью отрезков толкования, разграничиваемых точкой с запятой. Именно такие лексико-семантические варианты в составе «совмещенного» показа значений в толковом словаре составляют значительную массу «продуктивной регулярной многозначности» [3, с. 191], например:

– **вазопись** ... *Иск.* Роспись керамических сосудов, выполняемая специальными красками с последующим обжигом; узор, изображение, нанесенные на керамику таким способом; **вайп**¹ ... **2.** В информатике: массовая публикация ненужной и бессмысленной информации, одинаковых сообщений, обычно в автоматическом режиме; рассылка при такой публикации информация; **вакинг** ... *Иск.* Танцевальный стиль, отличающийся характерными быстрыми движениями рук в сочетании с модельными позами и подиумной походкой; танец в этом стиле; **ван**¹ ... **1.** Окрас кошек, для которого характерны белая шерсть на теле, полностью окрашенный хвост и два цветных пятна на голове; кошка такого окраса.

Совмещенным представлением являются и толкования типа «Действие по многозначному глаголу», «Свойство многозначного прилагательного», «Наречие к многозначному прилагательному» и т. п. В соответствии со стремлением к краткости в Словаре при совпадении толкования производных от разных значений применяется совмещенное толкование, если пометы при них совпадают или отсутствуют; при различной функционально-стилистической характеристике производные значения расчленяются.

Обобщенный способ широко используется в Словаре при единицах, маркируемых в Словаре пометами «*Научн.*» (в языке науки) и «*Спец.*» (специальное – в данном словаре означает, что слово используется в трех и более различных областях деятельности человека). Такие случаи рассматриваются как единый лексико-семантический вариант при учете

полисемии, несмотря на наличие примеров из разных областей деятельности человека.

Подсчет всех лексико-семантических единиц, поддающихся вычленению в структуре статей, был произведен по полностью готовым материалам Словаря (буквы «А», «Б», первая половина словника на букву «В»), а затем полученные данные экстраполированы на весь материал Словаря (92689 вокабулы). Получилось 169560 случаев, представленных в раздельном или совмещенном виде (что превосходит ожидаемое по аналогии с четырехтомным «Словарем русского языка» количество в 139945 случаев). Таким образом, несмотря на отсутствие лексико-грамматической полисемии и частично исторической перспективы, количество лексико-семантических вариантов полисемантов в современном толковом словаре большого типа оказывается вопреки ожиданиям более высоким, чем в словаре среднего типа, но ориентированном на лексическую систему XIX–XX веков.

«Словарь русского языка XXI века»: изменение семантической структуры полисемантов

Основной состав статей, содержащих большое количество лексико-семантических единиц, в целом традиционен для толковых словарей: союзы a^2 и no^1 , частицы *бы* и b^2 , *вот*, предлоги v^2 , *от* и *ото*, глаголы *бросить*, *выйти*, *поднять*, *работать*, *сделать*, *тянуть*, прилагательные *большой*, *естественный*, *живой*, *мягкий*, *пустой*, *свободный*, *слабый*, *черный*, существительные *дело*, *поле*, *связка*, *система*, *центр* и т.п. Однако структура словарной статьи в Словаре, ориентированном на отражении в лексической системе современной языковой картины мира, не только дополняется новыми лексико-семантическими вариантами, но и в ряде случаев меняется. Так, например, многозначное существительное *поле* в Словаре насчитывает 23 значения, что дает 27 лексико-семантические варианты. Помещаемое в предшествующих толковых словарях в конец словарной статьи терминологическое, но широко известное значение «основная наряду с веществом форма материи, передающая с конечной скоростью действие одних элементарных частиц вещества на другие и характеризующаяся отсутствием массы покоя» с тематической пометой «Физ.» рассматривается как основа для образования следующих ступеней полисеманта:

«Научн. Совокупность содержательных единиц, соотносимых с определенной областью человеческого опыта и деятельности и образующих единое целое.

Понятийные поля. Объем поля. *Нейролингвистическое программирование* воздействует на систему полей социальной группы и индивида. *Информационное п.* (объединяющее все информационные потоки и массивы). *Семантическое п.* (объединяющее языковые единицы на основе общего понятия или сходства признаков их лексических значений). *Концептуальное п.* (объединяющее взаимосвязанные понятия); «*Психол.* Психологическая сфера, определяющая поведение человека в той или иной ситуации и являющаяся объектом его наблюдения. *Феноменальное п.* Понятие поля разрабатывалось в рамках гештальтпсихологии и топологической психологии. *Оценочное п.* (объединяющее подлежащие оценочной деятельности объекты и переживаемые субъектом внешние и внутренние отношения)»; «*Матем.* В алгебре: совокупность элементов, для которых определены операции сложения, вычитания, умножения и деления, обладающие обычными свойствами операций над числами. *Конечные, бесконечные поля.* П. рациональных, вещественных, комплексных чисел. Каждое поле является областью целостности»; «*Матем. и Физ.* Поверхность или объем, каждой точке которого ставится в соответствие значение, число, вектор и т.п. *Векторное п.* П. температур. П. скоростей текущей жидкости. Частные случаи тензорных полей».

Таким образом, можно говорить об иной организации структуры полисеманта и увеличении количества выделяемых в его структуре семантических филиаций (прежде всего за счет привлечения тематически маркированных лексико-семантических вариантов), но вполне соразмеряемым с общим увеличением словника большого словаря по сравнению со средним.

«Словарь русского языка XXI века»: изменение состава полисемантов

Логично предположить, что причины увеличения количества полисемантов следует искать среди «пополнений» словаря большого объема по сравнению со словарем среднего объема. Для проверки этой гипотезы были проанализированы отрезки слов с первыми частями «био...», «вибро...» и «видео...», содержащие преимущественно лексику, не являющуюся материалом словаря среднего типа (в большинстве своем и вовсе не зафиксированную в толковой лексикографии). Общий объем в 950 вокабул дал в сумме 811 лексико-семантических вариантов.

Среди полисемантов с нумеруемыми отдельными значениями представлены не только двузначные, но и трехзначные:

– **биоинертный** ... **1. Биол.** Не оказывающий действия на жизнедеятельность отдельных органов, живого организма или сообщества организмов; содержащий вещества, не оказывающие такого действия; **2. Биол. и Хим.** Не вызывающий при контакте биологическую активность окружающей среды; **3. Мед.** Слабо взаимодействующий с биологическими тканями, не оказывающий на них вредного влияния, не вызывающий отторжения (о медицинских материалах, изделиях из них); относящийся к таким материалам; **биоматериал** ... **1. Материал** (1 и 3 зн.) биологического происхождения; **2. Биол. и Мед.** Совокупность клеток, ткань, жидкость, продукт жизнедеятельности организма; **3. Мед.** Природный или синтетический материал (1 зн.), используемый для замены отдельных поврежденных органов или тканей организма; **видеоканал** ... **1. Тех.** Совокупность технических средств, обеспечивающих прием, обработку, передачу и синтез видеоданных; **2. Информ.** Хостинг (2 зн.), предоставляющий пользователям услуги загрузки, хранения и показа видеоматериалов (2 зн.); **3. Информ.** Совокупность видеоматериалов (2 зн.), размещенных определенным пользователем в предоставленном ему таким хостингом месте на сервере центра обработки данных;

четырёхзначные:

– **биоактивный**: **1. Биол.** Оказывающий в результате своих физико-химических свойств действие на жизнедеятельность отдельных органов, живого организма или сообщества организмов; содержащий вещества, оказывающие такое действие; **2. Биол. и Хим.** Вызывающий или регулирующий при контакте биологическую активность окружающей среды; **3. Мед.** Вызывающий активность живых тканей организма, взаимодействующий с организмом (о медицинских материалах, изделиях из них); относящийся к таким материалам; основанный на таком взаимодействии; **4. Мед. Разг.** Связанный с функциями различных органов и систем организма человека; **биоматрица** ... **1. Мед.** = Биokoжа; **2. Космет.** Материал для косметической маски на основе биokoжи или коллагена, полученного из кожи теленка; **3. Парансихол.** Совокупность всех энергетических структур человека или высшего животного, активируемых в момент рождения энергиями окружающей среды; шаблон, предопределяющий развитие организма от момента его зарождения до конца жизни и путь эволюции организмов в историческом плане; **4. Парансихол.** Носитель специально

модулированных энергоинформационных частот, воздействующих на биополе человека; **виброакустический** ... **1.** Связанный с вибрациями (1 зн.) акустического диапазона частот и их воздействием на различные объекты; основанный на исследовании таких вибраций; **2.** Направленный на снижение вредного воздействия вибраций акустического диапазона частот на человека; **3. Тех.** Предназначенный для измерения или обработки сигналов, генерируемых вибрациями акустического диапазона частот; **4. Мед.** Основанный на контактном применении к биологическим тканям вибраций акустического диапазона частот; предназначенный для такого применения;

и пятизначные:

– **биокомплекс** ... **1.** Природный комплекс или часть природного комплекса как биогеохимическая система; **2.** Совокупность различного оборудования или устройств, использующихся для производства или переработки биологических материалов; **3. Биол. и Хим.** Комплексное соединение, играющее важную роль в строении и функционировании живых организмов; **4. Агро.** Совокупность связанных друг с другом производственных построек, помещений или предприятий (обычно разных отраслей хозяйства) с общей системой жизнеобеспечения, безотходной переработкой биологического сырья и широким ассортиментом продукции; **5. Спец.** Многокомпонентная биологически активная добавка или комплексное косметическое средство на основе натуральных компонентов, обычно обладающих биологической активностью; **биоорганика** ... **1. Разг. Собир.** Органические вещества, рассматриваемые с точки зрения выполняемых ими функций в живых организмах; **2. Разг. Собир.** Препараты, косметические средства и т.п., содержащие такие вещества; **3. Разг.** Биоорганическая химия; **4. Разг.** Учебный предмет, изучающий эту дисциплину; **5. Иск.** Направление в искусстве, основанное на использовании форм разнообразных природных элементов, естественной геометрии и органических структур, слиянии изображения человека с изображением растений, кораллов, животных и т.п.

Показательно, что слова, не так давно освоенные языком, активно участвуют в регулярной полисемии [3, с. 195–215], как продуктивной, так и непродуктивной (что не ограничивает развития семантики в тех же вокабулах и по другим признакам, вне регулярных моделей).

Объект исследования → дисциплина, изучающая этот объект (порядок значений в примерах соответствует

принятому в Словаре при наличии тематических помет и утверждению Е. В. Урысон: «логическая структура полисемии семантического класса, реализуясь в том или ином конкретном слове, может подвергаться перестройке, в результате которой логически исходное значение оказывается на периферии, а логически производное значение становится центральным» [17, с. 111]):

Биомехатроника ... 1. Прикладная междисциплинарная научная дисциплина, изучающая взаимодействие биологических организмов и мехатронных систем. **2.** Взаимодействие биологических организмов и мехатронных систем. **Биономия ... 1.** Отрасль биологии, изучающая образ жизни организмов и их роль в окружающей среде. **2.** Биол. Образ жизни организмов и их роль в окружающей среде. **Виброметрия ... 1.** Отрасль измерительной техники, изучающая совокупность способов и средств измерения параметров вибраций (1 зн.), преимущественно происходящих в механизмах и сооружениях. **2.** Тех. Измерение параметров вибраций (1 зн.).

Искусство → произведение этого искусства:

Видеоинсталляция ... Иск. Форма видеоискусства, сочетающая инсталляцию² с видеотехнологиями для создания пространства, создающего эффект погружения у зрителя; произведение такой формы видеоискусства. **Видеоскульптура ... Иск.** Форма видеоискусства, сочетающая скульптуру (1 зн.) с проецированием трехмерных видеоизображений на созданные объекты; произведение такой формы видеоискусства. **Видеоэнвайронмент ... Иск.** Форма видеоискусства, сочетающая использование композиций (2 зн.) с видеотехнологиями для натуралистичного воссоздания обстановки помещений или пространств; произведение такой формы видеоискусства.

Жанр (журналистики) → произведение этого жанра:

Видеозарисовка ... Жанр тележурналистики и видеожурналистики, представляющий единство связанных какой-л. темой кадров (обычно с музыкальным сопровождением, но без закадрового текста); короткий видеоролик с такой последовательностью видеокадров. **Видеоколонка ... Жанр** видеожурналистики, представляющий в небольшом по объеме видеоматериале высказывание журналиста по какому-л. поводу; периодически выходящий видеоматериал (2 зн.) или совокупность видеоматериалов, содержащих такие высказывания. **Видеосюжет ... Жанр** тележурналистики и видеожурналистики, показывающий основные моменты события, раскрывающий информа-

цию об объекте в естественной последовательности с помощью видеозаписи (1 зн.); короткий видеоматериал (2 зн.) такого содержания.

Действие → субъект действия:

Видеопродакшн ... 1. Создание видеопродукта как художественный процесс, включающий в себя все стадии работы над проектом (предпроектную подготовку, разработку сценарного плана, подбор команды, съемку, монтаж, озвучивание, мастеринг и т.п.). **2.** Организация, подразделение, группа людей, осуществляющие такой процесс. **Видеопрокат ... 1.** Демонстрация видеофильмов в видеозалах; видеозалы, осуществляющие такую демонстрацию. **2.** Прокат носителей информации (видеокассет, видеодисков и т.п.) с записанными видеофильмами; организации, осуществляющие такой прокат.

Действие → средство (инструмент):

Виброгалтовка ... Тех. 1. Галтовка (1 зн.), основанная на воздействии абразивных тел на поверхность обрабатываемых изделий при перемешивании под влиянием вибрации (1 зн.). **2.** Машина для такой галтовки. **Виброзащита ... Тех.** Защита технических объектов (зданий, сооружений, механизмов, приборов и т.п.) или людей от вредного воздействия вибраций (1 зн.); средства такой защиты. **Видеоконтроль ... Контроль** (1 зн.), осуществляемый с помощью видеоаппаратуры; комплекс видеоаппаратуры для осуществления контроля в какой-л. сфере.

Действие → средство (программное или аппаратное обеспечение):

Видеоаналитика ... Спец. Интеллектуальный анализ последовательно поступающих от камеры видеоизображений с автоматическим выявлением различного рода данных и детектированием заранее запрограммированных ситуаций; программное или аппаратно-программное обеспечение для такого анализа; видеоанализ (3 зн.). **Видеосудейство ... Спорт.** Судейство (2 зн.) с использованием видеоповторов; аппаратные и программные средства, предназначенные для создания видеоповторов.

Действие → результат:

Видеобронхоскопия ... Мед. Исследование трахеи и бронхов с помощью видеобронхоскопа; изображение, полученное в ходе такого исследования. **Видеомонтаж ... 1.** Монтаж (2 зн.) видеозаписи (2 зн.), видеозаписей. **2.** Разг. Полученный в результате такого монтажа видеоматериал (2 зн.). **Видеопроекция ... Проецирование** (2 зн.) видеоизображений на экран

или поверхность какого-л. объекта при помощи видео-проектора; изображение, полученное таким способом.

Заключение

Исследованные отрезки «Словаря русского языка XXI века» в соответствии с построенной на материале толкового словаря XIX–XX веков. динамической моделью должны содержать преимущественно моносеманты. Однако они обнаруживают не только значительный процент многозначных слов, но и их сложность («простые» и «сложные» многозначные слова по терминологии В. В. Морковкина [10]), а также различные типы мотивированности значений. Это свидетельствует о том, что постоянное увеличение объемов информации в мире, требующее закрепления в языковых знаках, вызывает не только активное появление новых единиц путем заимствования, словообразования и т.п., но и быстрое вовлечение слов в процессы дальнейшей категоризации окружающей действительности. В. В. Морковкин называет «семантическое словопроизводство» наименее травматичным для лексического тела языка и наиболее когнитивно нагруженным [10, с. 58]. Полисемия наиболее явно подчеркивает системность современного русского языка на уровне лексики и семантики, поскольку отражает тот факт, что «для работы категоризирующего языко-

вого сознания важным оказывается проведение дополнительной категоризации понятий с помощью таких языковых средств, которые бы скрепили их в еще более тесно связанную, достаточно жесткую и легко управляемую систему. < ... > Главной задачей языковой номинации является не просто присвоение концептуальной категории определенного отличительного знака, что в принципе можно было бы сделать с помощью заимствований, но и одновременная систематизация именуемых категорий» [18, с. 166]. Такая систематизация выполняется в рамках современной языковой картины мира, поэтому связи внутри полисеманта выстраиваются с установлением логических отношений (деривации, энантиосемии, гиперо-гипонимии, подобия, родо-видовыми и т.п.) среди лексико-семантических вариантов, актуальных для когнитивной деятельности языкового сознания данного этапа развития и в словаре синхронного типа «структура многозначности фиксирует иерархию значений, отражающую современное употребление слова» [17, с. 117]. Материалы синхронного толкового словаря полного типа демонстрируют, как изменяются в современный относительно стабильный период развития лексической системы составляющие ее основу полисеманты и по своему составу, и по внутренним связям.

Список литературы

1. Булгакова О. А. Полисемантическое слово как комплексная когнитивная структура // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. – № 2. – С. 93–95.
2. Попова А. Р. Изоморфные черты развития полисемии, словообразовательных и фразеобразовательных возможностей лексемы как векторов реализации ее креативного потенциала // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. – № 2 (46). – С. 179–184.
3. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 472 с.
4. Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А. Полисемия в общеупотребительной и в специальной лексике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. – № 4. – С. 51–64.
5. Зимовал М. В. О понятии функциональной полисемии в терминологии // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. – № 3–2 (37). – С. 124–129.
6. Трифонов А. С. Полисемия и синонимия как функциональные параметры термина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2015. – № 3 (27). – С. 97–103.
7. Трифонова Е. Н. К вопросу о полисемии термина // Омские социально-гуманитарные чтения 2012. – Омск: Омский государственный технический университет, 2012. – С. 350–352.
8. Ходакова А. Г. Полисемия термина как следствие полисемии его общеупотребительного источника // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2009. – № 12. – С. 120–129.
9. Чистюхина С. Н. Метафоризация профессиональной номинации как источник возникновения межотраслевой полисемии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. – № 4–2. – С. 15–20.

10. Морковкин В. В. О лексической полисемии // Русский язык за рубежом. 2009. – № 4 (215). – С. 57–67.
11. Араева Л. А., Катышева П. А. Полисемия и синонимия производного слова как отражение динамики языкового знака // С любовью к языку. – М. – Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. – С. 227–236.
12. Федотова И. П., Мунгалова Т. И. Полисемия как способ словообразования в диахроническом аспекте // Язык и культура: вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2014. – С. 310–316.
13. Поддубный В. В., Поликарпов А. А. Непрерывная стохастическая динамическая модель развития полисемии ансамбля знаков естественного языка и ее идентификация // Новые информационные технологии в исследовании сложных структур. Материалы десятой российской конференции с международным участием. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2014. – С. 118–119.
14. Поликарпов А. А., Курлов В. Я. Стилистика, семантика, грамматика: опыт анализа системных взаимосвязей (по данным толковых словарей) // Вопросы языкознания. 1994. – № 1. – С. 62–75.
15. Складаревская Г. Н., Ткачева И. О., Ваулина Е. Ю., Сергеев М. Л., Фивейская Е. А. Проект «Словаря русского языка XXI века» / под ред. Г. Н. Складаревской // Журнал прикладной лингвистики и лексикографии. 2019. – № 1. – С. 136–249.
16. Стернина М. А. Интегральная концепция полисемии и проблемы семантического описания слова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. – Т. 7. – № 2. – С. 206–214.
17. Урысон Е. В. Логическая структура полисемии и ее реализации (слово слякоть в системе языка) // Русский язык в научном освещении. 2005. – № 2 (10). – С. 87–120.
18. Булгакова О. А. Категоризация, номинация и полисемия // Актуальные проблемы современного словообразования. Материалы международной научной конференции. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2009. – С. 163–168.

Информация об авторе

Екатерина Юрьевна Ваулина, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, заведующий Лабораторией компьютерной лексикографии.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Адрес: 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48.

E-mail: miauling@yandex.ru; тел.: +7 (812) 312–43–01

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2854-5649>

E. U. VAULINA¹

¹ *The Herzen State Pedagogical University of Russia Saint-Petersburg, Russia*

POLYSEMY IN THE LEXICAL SYSTEM OF THE MODERN RUSSIAN (ON THE DATA OF THE FULL-TYPE EXPLANATORY DICTIONARY)¹

Abstract

Objective: to research features of polysemy in the lexical system of the modern Russian language on representative data of a full-type explanatory dictionary.

¹ The research is carried out with the financial support of the RFBR in the framework of the scientific project No. 20–012–00122 “Language and Dictionary: Explanatory Dictionary as an Object and Empirical Base of linguistic research” (based on materials of “The Dictionary of the XXI Century Russian Language” edited by Prof. G. N. Sklyarevskaya)

Methods: analysis of the structure of dictionary entries, statistical analysis of lexicographic data.

Results: Currently being compiled “The dictionary of Russian language of the 21st century” is a full-type synchronic explanatory dictionary. Its material (about 90000 completed entries) was used to analyze quantitative information about polysemantic words and some features of their semantic structure. Analysis shows that “The dictionary of Russian language of the 21st century” captures polysemy much more widely than the calculations based on the existing stochastic model (by V. Poddubnyj, A. Polikarpov) suggest. The number of polysemantic words is high among the recently added vocabulary of the Russian language, which represents a lot of regular and productive types of polysemy. Processes of active formation of polysemy and rearrangement of meanings within the semantic structure of a word indicates a relatively stable period of lexical system development compared to excessively wide borrowing or forming new lexical units.

Scientific novelty: the characteristics of polysemantic units in the modern Russian lexical system are considered for the first time on the quantitative representative material.

Practical significance: data and conclusions of the article can be used in theoretical descriptions of modern Russian lexical system including those with an educational purpose, studies of active processes in the vocabulary of the Russian language of the 21st century and researches of displaying a picture of the world in modern Russian language.

Keywords: polysemy; full-type explanatory dictionary; structure of the dictionary entry; meaning; lexical and semantic unit; current state of the lexical system.

References

1. Bulgakova O. A. Polisemanticheskoe slovo kak kompleksnaja kognitivnaja struktura (Polysemantic word as a complex cognitive structure), Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010. – No. 2. – P. 93–95. (in Russian).
2. Popova A. R. Izomorfnye cherty razvitija polisemii, slovoobrazovatel'nyh i frazeobrazovatel'nyh vozmozhnostej leksemy kak vektorov realizacii ee kreativnogo potenciala (Isomorphic features of development polysemic, word-forming and phrase-forming capabilities of the lexeme as implementation vectors of its creative potential), Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki, 2012. – No. 2(46). – P. 179–184. (in Russian).
3. Apresjan Ju. D. Izbrannye Trudy. Tom 1. Leksicheskaja semantika (Selected works. Volume 1. Lexical semantics), Moscow: Shkola “Jazyki russkoj kul'tury”, Izdatel'skaja firma “Vostochnaja literatura” RAN, 1995. – 472 p. (in Russian).
4. Grinev-Grinevich S. V., Sorokina Je. A. Polisemija v obshheupotrebitel'noj i v special'noj leksike (Polysemy in common and special vocabulary), Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika, 2015. – No. 4. – P. 51–64. (in Russian).
5. Zimoval M. V. O ponjatii funkcional'noj polisemii v terminologii (On the concept of functional polysemy in terminology), Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki, 2010. – No. 3–2 (37). – P. 124–129. (in Russian).
6. Trifonov A. S. Polisemija i sinonimija kak funkcional'nye parametry termina (Polysemy and synonymy as functional parameters of the term), Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanie, 2015. – No. 3 (27). – P. 97–103. (in Russian).
7. Trifonova E. N. K voprosu o polisemii termina (On the question of polysemy of the term), Omskie social'no-gumanitarnye chtenija 2012. – Omsk: Omskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet, 2012. – P. 350–352. (in Russian).
8. Hodakova A. G. Polisemija termina kak sledstvie polisemii ego obshheupotrebitel'nogo istočnika (Polysemy of a term as a result of the polysemy of its commonly used source), Nauchnyj vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Serija: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovanija, 2009. – No. 12. – P. 120–129. (in Russian).

9. Chistjuhina S. N. Metaforizacija professional'noj nominacii kak istochnik vzniknovenija mezhotraslevoj polisemii (Metaphorization of a professional nomination as a source of interdisciplinary polysemy), *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2012. – No. 4–2. – P. 15–20. (in Russian).
10. Morkovkin V. V. O leksicheskoj polisemii (About lexical polysemy), *Russkij jazyk za rubezhom*, 2009. – No. 4 (215). – P. 57–67. (in Russian).
11. Araeva L. A., Katysheva P. A. Polisemija i sinonimija proizvodnogo slova kak otrazhenie dinamiki jazykovogo znaka (Polysemy and synonymy of a derived word as a reflection of the dynamics of a language sign), *S ljubov'ju k jazyku*. – Moscow–Voronezh: IJa RAN, Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2002. – P. 227–236. (in Russian).
12. Fedotova I. P., Mungalova T. I. Polisemija kak sposob slovoobrazovanija v diahronicheskom aspekte (Polysemy as a way of word formation in the diachronic aspect), *Jazyk i kul'tura: voprosy sovremennoj filologii i metodiki obuchenija jazykam v vuze*, Habarovsk: Tihookeanskij gosudarstvennyj universitet, 2014. – P. 310–316. (in Russian).
13. Poddubnyj V. V., Polikarpov A. A. Nepreryvnaja stohasticheskaja dinamicheskaja model' razvitija polisemii ansamblja znakov estestvennogo jazyka i ee identifikacija (Continual stochastic dynamic model of polysemy development of natural language sign ensemble and its identification), *Novye informacionnye tehnologii v issledovanii slozhnyh struktur. Materialy desjatoj rossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*, Tomsk: Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2014. – P. 118–119. (in Russian).
14. Polikarpov A. A., Kurlov V. Ja. Stilistika, semantika, grammatika: opyt analiza sistemnyh vzajmosvjazej (po danym tolkovyh slovarej) (Stylistics, semantics, grammar: experience in analyzing system relationships by the data of explanatory dictionaries), *Voprosy jazykoznanija*, 1994. – No. 1. – P. 62–75. (in Russian).
15. Skljarevskaja G. N., Tkacheva I. O., Vaulina E. Ju., Sergeev M. L., Fivejskaja E. A. Proekt "Slovarja russkogo jazyka XXI veka" (Draft "The Dictionary of the Russian Language of the 21st century") / Pod red. G. N. Skljarevskaja. *Zhurnal prikladnoj lingvistiki i leksikografii*, 2019. – No. 1. – P. 136–249. (in Russian).
16. Sternina M. A. Integral'naja koncepcija polisemii i problemy semanticheskogo opisaniya slova (Integral concept of polysemy and problems of semantic description of a word), *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2012. – Vol. 7. No. 2. – P. 206–214. (in Russian).
17. Uryson E. V. Logicheskaja struktura polisemii i ee realizacii (slovo sljakot' v sisteme jazyka) (Logical structure of polysemy and its implementation (the word sljakot' in the language system)), *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*, 2005. – No 2 (10). – P. 87–120. (in Russian).
18. Bulgakova O. A. Kategorizacija, nominacija i polisemija (Categorization, nomination, and polysemy), *Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovanija Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*, – Kemerovo: Kemerovskij gosudarstvennyj universitet, 2009. – P. 163–168. (in Russian).

Information about the author

Ekaterina U. Vaulina, Candidate of philological sciences, senior researcher, head of laboratory of Computer lexicography, The Herzen State Pedagogical University of Russia

Address: 48 Moika Emb., 191186, Saint-Petersburg, Russia

E-mail: miauling@yandex.ru; tel.: +7 (812) 312-43-01

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2854-5649>

Ю. В. ГОРШУНОВ¹,Е. Ю. ГОРШУНОВА²,¹Бакирский государственный университет (Бирский филиал), Россия²Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при президенте Российской Федерации, Москва

АНГЛИЙСКИЕ ЭВФЕМИЗМЫ И ДИСФЕМИЗМЫ НА ТЕМУ ФИЗИОЛОГИИ ЖЕНЩИНЫ (МЕНСТРУАЦИЯ)

Аннотация:

Цель: систематизировать многочисленные эвфемизмы и дисфемизмы на тему физиологии женщины (менструация) и упорядочить их по выделенным основаниям.

Методы: методы исследования определяются целью и задачами исследования. Основной метод описательный, реализованный в приемах систематизации, обобщения и интерпретации языкового материала. Лингвистические методы включают контекстный анализ и метод семантической интерпретации.

Результаты: тема физиологии женщины (менструация) освещается на примерах эвфемизмов и дисфемизмов, отобранных из словарей эвфемизмов, словарей рифмованного сленга, общего сленга, Интернет-сайтов и англоязычной художественной литературы. Предложена авторская тематическая мотивационная классификация по широкому спектру оснований, которые по возможности сопровождаются примерами из художественных произведений.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы при освещении проблем эвфемии в лекциях и семинарах по лексикологии, стилистике, интерпретации текста.

Ключевые слова: эвфемизм, дисфемизм, секс, физиология женщины, менструация, беременность.

Для цитирования: Горшунов Ю. В., Горшунова Е. Ю. Английские эвфемизмы и дисфемизмы на тему физиологии женщины (менструация) // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2020, №9–10. – С. 33–42. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-9.10-33-42>

Введение

Из многообразия табуируемых и эвфемизируемых тем мы выбрали тему физиологии женщины (менструация), освещаемую на примерах эвфемизмов и дисфемизмов, отобранных из словарей эвфемизмов [15; 18], рифмованного сленга [13], сленга [14; 9], Интернет-сайтов [21] и англоязычной художественной литературы [17; 16; 11].

Даже беглого взгляда на мужчину и женщину достаточно, чтобы увидеть внешние отличия между ними, которые проявляются в телосложении, росте, оволосении, голосе и других признаках. Мужчины, как правило, выше ростом, мускулистее, с плоской грудью, а женщины имеют выступающую грудь. Заметно отличие по фигуре в области паха, где расположены гени-

талии, которые имеют разное строение, выполняют как сходные, так и дополняющие функции. В отличие от мужчины природа наградила женщину способностью к деторождению. Характерной чертой женской половой системы и физиологии является наличие менструаций. Женщины имеют три очень важные физиологические функции – менструацию, беременность и период лактации, которые полностью отсутствуют у мужчин. О них, точнее об эвфемизмах и дисфемизмах обозначающих физиологические функции женского организма, пойдет речь в данной статье.

Менструальный цикл – нормальный процесс женской физиологии, но в реальности часто оказывается, что он протекает не так гладко, как хотелось бы женщине и сопровождается головной болью, отеками,

скачками артериального давления и другими неприятными и болезненными явлениями [20]. Организм женщины подвергается изменениям, которые направлены на успешное оплодотворение и подготовку к беременности.

Основная часть

В статье рассмотрим некоторые распространенные эвфемизмы и дисфемизмы английского языка на тему секса и физиологии женщины, выделим основания для тематической классификации, опишем некоторые приемы и способы создания характеризующих номинаций, представим социокультурную характеристику описываемым номинациям, а также примеры употребления, заимствованные из художественной литературы.

Начнем с того, что в нашей жизни имеют место щекотливые или неудобные моменты и ситуации, когда мы вынуждены более тщательно или осторожно подбирать слова, чтобы избежать неловкости в общении. Нас смущают темы женской физиологии – менструации и беременности. На помощь в таких случаях приходят эвфемизмы – смягчающие (непрямые, вежливые или камуфлирующие) обозначения тех выражений, которые неприемлемы в данном социально-культурном контексте, являются нетактичными, неприличными, грубыми по отношению к собеседнику [1; 2; 3; 4; 5; 6; 8]. Правда, иногда, мы намеренно огрубляем нашу речь, используя дисфемизмы, запрещенные обычаем или приличием грубые слова, недопустимые в нормальной коммуникации, но позволяющие нам иронично, насмешливо или презрительно выразить свое отношение к собеседнику или теме разговора.

Акцент при описании номинаций, характеризующих менструацию, смещен в сторону эвфемизмов, так как тема физиологии женщины относится к числу табуируемых и, как правило, обсуждается деликатно. Большинству женщин во всем мире неудобно говорить о менструации с друзьями-мужчинами, коллегами и членами семьи. Даже в таких экономически, информационно и культурно развитых странах, как США, где гигиенические средства для менструации и защиты от беременности и венерических болезней широко доступны, а врачи, школы и Интернет предлагают много информации о менструации, сторонники женского равноправия и политкорректности считают, что нужно проявлять больше поэтического почтения к менструирующей женщине, и, следовательно, вряд ли возможно полностью отказаться от эвфемиз-

мов несмотря на призывы говорить о менструации открыто и прямо.

Эвфемизмы и дисфемизмы на тему менструации многочисленны. Назовем эвфемизмы, которые ассоциируются с началом менструаций у девушки и заканчиваются климаксом в позднем зрелом возрасте. Наступление первой менструации, важный момент в жизни девочки, передает эвфемизм *start bleeding*. Естественное прекращение менструации, иначе называемое климактерическим периодом, климактерием или менопаузой передается терминологическими *pause* ← *menopause* и *sexual involution*, разговорными *change, change of life. Go through the change (of life)* – переживать климакс.

Задержка менструации (*miss a month, miss a period*) дает повод для волнения, и потому наступление менструации приносит облегчение и уверенность, что удалось избежать нежелательной беременности. Начало менструации отражают эвфемизмы *come on; come around*.

Менструацию как событие можно охарактеризовать эвфемизмами *Mother Nature, Mother Nature's gift, moon sickness; Tampax time, poorly time* (устар.), *plague, red Mary; road-making* (намек на дорожный знак «проезд закрыт», выставляемый на шоссе на время ремонтных работ) и др. Более многочисленны эвфемизмы, характеризующие менструацию как процесс: *have one's auntie/grandmother/little friend with one; have one's run on; have the decorators/painters in; have the flags flying; have the rag on; kit's come* и мн. др.

Эвфемизмы и дисфемизмы на тему менструации можно систематизировать по широкому спектру оснований. Представим мотивационную классификацию номинаций рассматриваемой темы.

В прошлом менструация характеризовалась, в основном, негативно как наказание, болезнь, неудобство. Эта тенденция сохранилась, но современные характеристики более толерантны, нередко ироничны, забавны, остроумны и занимательны. Арсенал эвфемизмов и дисфемизмов на тему менструации продолжает пополняться новыми единицами. Продемонстрируем сказанное предлагаемой классификацией, основанной на образах и ассоциациях.

1. Восприятие менструации как кара, наказание (*the curse*), поскольку она сопровождается обильными кровотечениями, болезненными ощущениями внизу живота, тянущими болями, судорогами, усталостью (*Oh, the woes of the curse!* – Как это противно,

когда менструируешь!). Восприятие менструации как кары отражают обозначения *the curse/the curse of Eve; the 'scourge of Eve'* (I feel awful, *the scourge of Eve* is upon me); *the curse of God; crimson curse; Curse of TOM; the horrors; the plague*.

Эвфемизм [*to have*] *the curse* имеет хождение с середины 19 века. Это один из многих эвфемизмов, связывающих менструацию с болезнью, злом и пороком. Он является усеченной формой выражения *the curse of Eve*. Согласно библейской легенде, родовые муки достались Еве и ее потомкам женского рода как кара Господня за непослушание и плотский грех. Однажды вкусив яблоко с древа познания, прародительница обрекла многих женщин на страдания, в том числе на ежемесячные кровотечения и боли, связанные с ними [19]. Выражение *I've got the curse* хотя и ощущается как старомодное, является одним из самых ходовых:

'How old are you now?' asked Felix.

'Fourteen.' She would be fourteen in six months; she was in her fourteenth year.

'You've grown a lot.'

(At least a foot. I get the curse now. I have got pubic hair, and hair under my arms.) 'Yes,' she said. [18, C. 113]

After *the curse* went away, Ann waited for Graham to want to make love to her; but he didn't seem very keen [16].

Эвфемизм *Curse of TOM* содержит аббревиатуру *TOM* ← *time of month*, которая сама является эвфемизмом для менструации.

2. Восприятие менструации как болезнь, недомогание *being unwell; not feeling well; unwell; ill; [to be] indisposed; [to be] sick; come sick; [to be] under the weather; my poorly time* (т.е. I'm menstruating); *Gina is sick* (*gina* ← *vagina*); *girly flu; granny chills; monthly hurts; the misery* или как вынужденные неудобства: *ladies' troubles; monthly troubles; women's trouble; tummy trouble; the nuisance; blood and sand* (обычно в речи мужчин; возможно это отсылка к немому фильму 1922 года «Кровь и песок» с Рудольфом Валентино в главной роли тореадора, переснятом в последствии в 1941 и 1989 годах. В фильме завязываются драматические события, исход которых вызывает бури эмоций).

Многие женщины ненавидят этот период «критических дней», называют его не иначе как «кошмаром», так как испытывают депрессию и усталость, чувствуют себя хуже, чем обычно [20]. Представляется, что один из самых безобидных эвфемизмов для

менструации в этом контексте – *domestic afflictions* (букв. «домашние страдания»), имеющий хождение с середины 19 века. Хорошо вписывается в контекст эвфемизм *women's trouble*:

'Where's Mrs Turner? He was breathing heavily, and his face was red.

'She's not well. She'll come in later and do a different shift. I can only stay for three hours, and all. I have to go to the Billiting Office.

That's not good enough,' he snapped. 'You women can't pick and choose what shift you're going to do. It messes my schedules.' 'What's the matter with her?'

'*Women's trouble*,' she said shortly, knowing it would shut him up.

He went puce and couldn't look at her. 'I'll have to inform Mr Goldman of her absence. This is most irregular – especially as this is her first day.' [11].

Встречаются и шуточные, ироничные эвфемизмы, например: называя вагину «киской», менструирующая женщина может сказать "*My kitty/the kitty is sick*". Мы относим в эту группу ироничный эвфемизм *holy week* («страстная неделя»), в виду того, что страстная неделя названа так, потому что это были последние дни земной жизни Иисуса, наполненные страданиями.

3. Восприятие менструации как посещение, чей-либо визит. Благодаря менструальному циклу женщина может высчитать дни до овуляции и благополучно забеременеть или же, наоборот, уберечь себя от нежелательной беременности. Наступление менструации сигнализирует, что женщина избежала нежелательной беременности, и для нее это приятная новость. В этом контексте менструация желанная гостья, подруга, сестра или визитёр: *friend u little friend* (*I have friends today* (usu. *have a friend to stay*); *my little friend has come* (в значении I'm menstruating; явный намек на желанность менструации как сигнал того, что женщина избежала беременности, и можно не волноваться на этот счет); *little visitor; little sister; grandma/ grandma George* (эвфемизм известен с 19 века), отсюда эвфемизм *grandma coming*.

Визитером может быть одна из тетушек, бабушка, кузины, родственники или кто-либо иной, включая мать-природу, принца, Санта Клауса и кардинала (!): *Aunt Aggie/Aunt Fanny/Aunt Martha/Aunt Ruby/Aunt Sallie/Aunt Tilly comes to visit; Aunt Flo is visiting/is here; Charlie Brown is in town; Grandma coming to visit; Grandma's here; (My) cousin Pierre is*

visiting; the visitor with the red hair has come; Mother Nature come to call; the prince has come; Santa Claus is coming to town (обыгрывается цвет белой бороды и красной куртки Санты, ассоциируемой с цветом менструальной крови); *visit from the Cardinal* (как и в случае с Санта Клаусом, тёмно-красный цвет сутаны кардинала напоминает о цвете менструальной крови); дисфемизм *a visitor from Cap'n Bloodsnatch*. Посетитель может не уточняться: *a caller*.

Интересен эвфемизм *Kit has come*, содержащий в своем составе уменьшительно-ласкательную форму *Kit* личного имени *Charles* (*Kit*, кстати, производное от *Christopher, Catherine*), что превращает данный эвфемизм в близкого родственника более употребительного эвфемизма *Charlie's come* [18, С. 238]. В Австралии с визитом могут пожаловать родственники: *I've got the rellies (relatives) round to stay*, в Англии – *country cousins* – дальние родственники из провинции (чьи манеры смущают городских родственников).

Приход менструации передается также эвфемизмами *come around; come on*.

4. Восприятие менструации как кровотечение, следовательно, возникают ассоциации с потоком, струей, текучей жидкостью: *My pussy cat having a nosebleed; the monkey has a nose bleed* и более полная версия *the circus is closed, the monkey has a nosebleed* (здесь *pussy cat* и *monkey* – метафорические обозначения вагины); *blood; bloodtime; flooding* (*Bl. Am.*); *leak week; leaking muddy waters* и др. Если кровотечение обильное, используются более сильные эвфемизмы: *I'm gushin'; the red great tide; [The] tide has rolled in; too wet to plow; river of blood; waterfalls; chasing waterfalls; human waterfall; wet-season; wet-week; wet-weekend* (Looks like a *wet weekend* в речи австралийских женщин).

Эвфемизм *The Red Sea in*, обыгрывающий слово «*red*» и ассоциацию с потоком, отсылает к массовому исходу поработанных евреев (по воле Бога) из Египта под предводительством Моисея. Сыны Израиля перешли через Черное море, которое расступилось перед ними и пропустило народ израилев, а потом сомкнулось вновь и «покрыла колесницы и всадников всего войска фараонова», потопив армию фараона, которая преследовала израильтян.

В этот контекст вписываются дисфемизмы *jam raid* (*jam* – menstrual blood), *have the sharks sniffing* – менструировать: за акулами закрепилась слава кровавых хищников.

5. Восприятие менструации по цвету крови отражают эвфемизмы, использующие красный цвет как индикатор менструации. Обозначения, мотивированные цветом крови, в нашей выборке оказываются наиболее многочисленными: *the reds; crimson tide; crimson wave; surfing the crimson wave; surfing the crimson tide* (эвфемизмы, отсылающие к серфингу, встречаются преимущественно в речи американских девушек подросткового возраста и студенток университетов); *to flash the red rag; fly the flag; to fly the red flag/flying the red flag* (воспринимаются как устаревшие); *the red flag is up/out; the flag of defiance is out; the red great tide; reds; red dawn has arrived; red moon is rising; flowers* (известно с середины 19 века) и *tail flowers; lady in the red dress; the mean reds; to have red sails in the sunset; driving in a red car; riding the red bike; ride the red horse; the red dragon; the Big Red Monster is in town; checking into the Red Roof Inn; red skeleton dropped by; wearing a red rag; having a red-haired visitor; the Red Sea is in; roses* (отсылка к цвету крови).

Эвфемизм *cranberry dip* (клюквенный кисло-сладкий соус (для пудинга); подлива (к мясу)) для обозначения менструальной крови также основан на красном цвете ягоды. Эвфемизм *cherry drink* выполняет аналогичную функцию.

Несколько эвфемизмов мотивированы символикой красного цвета, ассоциируемого с борьбой, опасностью, тревогой, пролитой кровью. В массовом сознании этот цвет связан с коммунистами и революцией. Не случайно, ряд эвфемизмов отсылает к коммунистам и намекает на опасность оказаться под их властью: *falling to the Communists; the commies are coming; the communists have invaded*.

Менструирующая женщина может иронично сказать о себе: *I'm bloody mary today*. Выражение вызывает ассоциации не только исторические, но и бытовые: «Кровавая Мэри» или «Мария Кровавая» – прозвище английской королевы Марии Тюдор, которое дали ей протестанты, так как она жестоко преследовала их. «Кровавая Мэри» также популярный коктейль из водки с томатным соком. Есть и другие эвфемизмы, связанные с менструацией ассоциативно: *[I've/She's] got the painters in* – косвенный намек на цвет, шутовское сравнение краски с кровью.

Эвфемизм *Trooping the Colour* отсылает к торжественному разводу караулов с выносом знамени гвардейского полка, который несёт караульную службу

в Букингемском дворце в текущем году. У гвардейцев красные туники.

Эвфемизм *flying the Japanese flag* мотивирован тем очевидным фактом, что флаг Японии представляет собой белое полотно с большим красным кругом в середине. Американский эвфемизм *baker flying*, обозначающий менструирующую женщину, требует знания, что *baker* здесь вовсе не пекарь, который летает, а красный флаг, который вывешивают на судне, когда корабль загружает топливо или боеприпасы. Поднятый флаг, таким образом, служит предупреждением другим судам, чтобы они стояли в стороне. Когда женщина говорит, что она *baker flying*, она предупреждает о менструации и необходимости избегать тесного контакта.

Несколько эвфемизмов остроумно обыгрывают названия спортивных клубов, содержащих слово “red” в своем имени или уместно эксплуатируют символику клубов, основанную на использовании красного цвета: [*The*] *Reds are playing at home*. К примеру, американский эвфемизм [*The*] *Red Sox are in town* мотивирован названием бейсбольного клуба The Red Sox из Бостона. В аналогичных случаях на Британских островах, говоря о менструации, упоминают названия популярных клубов из Манчестера, Ливерпуля и Лондона: *Manchester United are playing at home* (вариант *Man U are playing at home*); *Liverpool's playing at home*, имея в виду футболки английских футбольных клубов красного цвета. В Ирландии некоторые мужчины, фанаты профессионального провинциального клуба Munster Rugby (или просто Munster) говорят о менструации *Munster playing at home*, так как команда регби Манстера использует красный цвет: традиционные цвета клуба – красный и белый, из-за чего команда носит прозвище «красная армия». В настоящее время комплект состоит из красной регбийки, белых трусов и красных гетр. Символично, что популярный эвфемизм, эксплуатирующий название английского профессионального футбольного клуба Арсенал из Северного Лондона, выступающего в Премьер-лиге, *Arsenal are at home* (букв. Команда Арсенала (играет) на родном поле) мотивирован тем фактом, что игроки футбольного клуба Арсенал носят красную форму.

Эвфемизм *the captain is at home* мотивирован тем, что в прошлом британские офицеры носили красный мундир. Аналогично, *the Cardinal is at home*: Princes of the Church wear a red biretta and robes of office [18, с. 113] Кардиналы носят красную биретту и сутану.

Обозначение менструирующей женщины как *ribena* отсылает к фирменному названию витаминизированного напитка из чёрной смородины «Райбина», которое выпускает компания «Бичам».

Цветом мундира из красного сукна мотивирован эвфемизм “*the redcoats are about to land*” («красные мундиры собираются высадиться»), который Джулиан Барнс использовал в романе “Before She Met Me”. The redcoats в данном контексте могут быть английские солдаты времён войны за независимость в США. Шуточный эвфемизм, вызывающий образ менструации как жестокого маточного сражения в сильном и непобедимом теле женщины, обыгрывается в романе в разных ситуациях. Главный герой, задавая вопросы о красных мундирах (давно ли их заметили, высадились ли они на берег или все еще в море, плывут ли они с попутным ветром, где именно их обнаружили, какова их предполагаемая сила, и как долго экспедиционные силы планировали остаться) на самом деле интересуется у жены о сроках менструации, ее интенсивности и продолжительности: <...> she murmured to Graham, using the French slang she'd once taught him, ‘*I think the redcoats are about to land.*’

Graham held a long slice of thickly pâtéed bread in his right hand, and in his left a tomato which he'd just bitten into; he knew the juice was currently deciding whether to fall on his trousers, or run up his forearm, or perhaps do both. So it was with only half a mind that he asked,

‘*Have they just been spotted?*’

‘Yes.’

‘*So they're still some way out to sea?*’

‘Yes.’

‘*Though of course they may have a following wind?*’

‘That's always possible.’

<...> Ann was amused by his responses to the arrival of her periods. Sometimes there would be a long, multiple-choice catechism about precisely *where the redcoats had been spotted, what their estimated strength was, how long their expeditionary force planned to stay*, and so on. Sometimes, as now, the news seemed to take him quite seriously, as if she'd announced that she had to go into hospital [16].

Близкие по смыслу эвфемизмы *The red coats are coming* и *The English are coming*, отражающие старые колониальные антианглийские настроения, используются в Австралии.

Многие выражения, имеющие отношение к менструации и менструирующей женщине и эксплуати-

рующие метафору крови, вульгарны и ассоциируются с речью мужчин, например, *the Red Sea's out; bloody monthlies*. Соквоупление во время менструации – *salsa dip* (*salsa* – соус красного цвета).

6. Восприятие менструации как телесное повреждение: менструальная кровь и кровоточащая вагина вызывает ассоциации, связанные с ранением и боевыми разрушительными действиями: *wounded; ax wound; the wound of Eve that never heals; suffering from the hairy hatchet wound* (этот дисфемизм известен в армейской среде), а также объясняется боевыми действиями: *at war; there's a war in Virginia; Uterine Jihad* («маточный джихад»; о менструации, сопровождающейся особенно сильными судорогами).

7. Восприятие менструации как поломка механизма, неисправность. В ход идет механическая метафора: *broken; out of commission; N/A ← not available* (в неисправности; в состоянии нетрудоспособности); *temporarily out of service* (вышедший из строя (на какое-то время); временно необслуживаемый). Имеют хождение эвфемистические выражения, связанные ассоциативно с протекающим краном и ремонтом водопроводной системы, такие как *the plumber is stopping by today* («сегодня зайдет сантехник»), намекающие на приход менструации. В этом контексте при пользовании тампоном, менструирующая женщина может сказать *the plumber is working on the leak* («сантехник устраняет утечку»), а когда ей необходимо сменить тампон, она скажет *the plumber needs a break* («сантехнику нужен перерыв»).

Эвфемизм *the road is up for repair*, обозначающий менструацию, вызывает ассоциации с ремонтом дороги, когда опасный участок ограждается и выставляются красные конусы или вывешиваются красные лампы, предупреждающие об ограничении движения. Присутствует также намек на временное неудобство.

Относительно недавно появился новый эвфемизм [*The*] *server is down* («сервер не работает»), рождение которого продиктовано новыми реалиями жизни: появилась новая категория профессионалов – молодых программистов, вебмастеров, которые занимаются программированием, отвечают за создание Web-узла и управление им, т.е. «администраторов Web-узла», среди которых есть и женщины. Общение между ними на темы секса неизбежно привело к появлению слов и выражений, понятных этой категории молодых людей. Броская фраза *The server is down* при-

тягательна для современной молодежи, легко воспринимается и легко запоминается.

Эвфемизм *leaky* («менструирующая») также связывает менструацию с протечкой в системе.

8. Восприятие менструации как цикличное, повторяющееся явление, связанное с периодичностью: *regular* (менструация в предсказуемое время); *having my cycle; cycle of blood; monthlies; monthly bill* (AmE); *monthly flowers; monthly turns; moon cycle; moonflow; Moon's blood; Moon flux; Monsoon season; moontime; the wet season* (Aus.); *terms* (устаревший эвфемизм); *time of the month → TOM; that time of the month; time of blood; turns*.

Шутливый эвфемизм *old faithful* («верная подруга») характеризует менструацию, как постоянно возвращающуюся подругу, приход которой снимает страхи нежелательной беременности. Эвфемизм *irregularity* означает задержку менструации.

9. Восприятие менструации как период временного (вынужденного) отказа или запрета на какую-либо деятельность, в частности, на секс, прекращение интимной близости: *closed for business* (закрыто для бизнеса); *closed for the holidays* (закрыто на праздники); *closed for maintenance* (закрыто на техническое обслуживание); [*my*] *office is closed for renovations* (офис закрыт на ремонт); *That line is busy. Please try again later* (Линия занята. Пожалуйста, позвоните попозже); *lady days; being a lady; out of circulation; off duty; off games, wallflower week; woman's home companion; wrong time of the month* и др.

Обычно при менструации предпочитают воздерживаться от вагинального секса. В мужском лексиконе есть выражения, предлагающие в это время делать выбор в пользу анального секса: *when the red is over the pink, go for the brown*, а также *when the road turns red, hit the dirt track*. Характерное для мужского употребления выражение *bloody monthlies* отражает мужское раздражение, отчетливо проявляющееся в определении менструации как «*a bloody waste of fucking time*». Воздерживаться из-за менструации – *snookey behind the red*.

Некоторые занятия, например, занятия спортом, плавание, подвижные игры избегаются или невозможны: *Can't go swimming; unable to swim*. В речи англичанок, особенно если они получили образование в школе-интернате, нередко можно услышать фразу *Off Games* («вне игр(ы)»). Многие школы-интернаты ведут список тех, кто может заниматься спортом,

а кто нет – On Games and Off Games. Менструация является наиболее распространенной причиной отказа от игр в школе для девочек, поэтому выражение **Off Games** стало означать менструацию.

В речи американских мужчин можно услышать спортивную метафору **game called off, muddy waters** как шутиливый и откровенный намек на менструацию. Эвфемизм **beno** для менструации [9, С. 31], имеющий хождение с 1950-х и представляющий собой сокращение фразы *there'll be no fun*, также откровенно намекает, для многих пар секс на время исключается [14, С. 81].

В период менструации женщина-мусульманка находится в «состоянии ритуального осквернения», и ей запрещено совершать намаз. При наступлении менструации мусульманкам нежелательно посещать мечети. Женщинам-мусульманкам во время менструации категорически запрещается заниматься сексом со своими мужьями. Мусульманки в Англии и Америке поэтому, сообщая или намекая о менструации, могут сказать **I am not praying**.

Эвфемизм **in purdah** (to live in purdah – жить затворничестве женщин в мусульманских странах) также указывает на менструацию и намекает на определенные ограничения в жизни менструирующей женщины.

Женщины-индуски в Америке, которым также не разрешается заходить в храмы, когда они менструируют (как пояснила одна из них: *I can't go in because it's against the Hindu rules*), говорят **I'm out** или **I'm out of the temple** или **I'm out of action**.

10. Восприятие менструации как время, когда требуется тщательная гигиена и санитарная защита организма: во время менструации применяются разнообразные средства женской гигиены (женские гигиенические прокладки, тампоны и др.), например **Tampax** – фирменное название гигиенического пакета. Тампоны тампакс, применяемые во время менструаций, стали настолько популярными, что название даже вошло в состав рифмы **Me Mum's Tampax** в рифмованном сленге: **Me Mum's Tampax = anthrax**. Anthrax может обозначать сибирскую язву, антракоз, но чаще ассоциируется с карбункулом или нарывом: *Watch out for Me Mum's Tampax*. Для обозначения же непосредственно гигиенического тампона в рифмованном сленге имеет хождение современная многозначная рифма **little brown jug** (букв. «коричневый кувшинчик»). Она создана к слову “**plug**”, одно из значений которого “a tampon” [7].

Лексикон средств женской гигиены включает галантные **serviette, welcome mats**, терминологические и рекламные **sanitary towel** (гигиеническая прокладка, тампон) = **ST; sanitary napkin** (AmE); **protection, sanitary protection** и сокращение **san pro; Kotex; Tampax**; разговорные и сленговые **bunny; buns; flag** (гигиенический пакет); **tammy; red carpet** (использованный тампон); **tam rag** (tam ← tampon); **little white mouse/white mouse; cotton mouse; rabbit's tail** (гигиенический тампон, видимый, когда сидящая женщина перекидывает ноги), вульгарные метафорические обозначения **blob hammock; chuftie-plug; Dracula's tea bag** (тампон); **fanny mouse; fanny rag; jam rag; jammy; jelly sandwich; gam; snatch mouse; man-hole cover** (прокладка); **shoe; sling shot; vampire's tea bag** (Bl. Am.); **window blind** (гигиенический пакет).

Сам же период менструации, ассоциируемый с использованием средств женской гигиены, известен как **bunny time; diapering up** (diapers = pads); **time to ram a tam; ragtime; rag week; tammy time** (tammy ← tampon); **tammy's here; riding the banana; riding the cotton pony; red dog/knight on a white horse; white cylinder week; those days; Tampax-time** и др., где **rag, cotton pony, white horse, white cylinder** – метафорическое обозначение гигиенического тампона. Популярное выражение **chasing the cotton mouse** (менструировать) компетентно отражает ситуацию. Другие выражения, применимые в данном контексте – **ride a cotton horse/a white horse/the cotton pony/the rag; wear rags**. Менструирующая женщина в сленге афроамериканцев – **red dog on a white horse, red knight on the white horse**. Шутиливый эвфемизм **cover the waterfront** также указывает на применение гигиенического тампона.

Менструирующая женщина может сказать (пренебрежительно): **I got/have the rag(s) on; I am riding the rag**.

‘You shut it [the fridge]. And I mean your mouth and all.’

‘Don't talk to me like that.’

‘Why not? **Are you getting your period** or something. Okay, I'll make allowances. **Red Rag is running in the two-thirty. You've got the painters in.**’ [17, С. 93]. (Здесь *two-thirty*, по-видимому, рифмованный сленг = **dirty**).

11. Восприятие менструации как источник сильного раздражения: начало менструации может предвещать тяжелые дни для женщины – **problem days**. Эвфемизмы **angry week** (букв. «сердитая неделя», «неделя гнева»); **bad week** («неудачная или неблагоприятная

неделя»); *devil days* и *gruesome week* (отвратительная, ужасная) демонстрируют раздражение, испытываемое женщиной во время менструации, и намекают на неудобства и неприятности.

Выводы

В статье мы рассмотрели некоторые распространенные эвфемизмы и дисфемизмы английского языка на тему секса и физиологии женщины на примере менструации. Выделив основания и мотивы для тематической классификации, мы представили авторскую мотивационную классификацию эвфемизмов и дисфемизмов из 11 пунктов, характеризующих менструацию.

По сути, представленная нами классификация разработана и описана в терминах когнитивной метафоры: если исходить из того, что метафора определяется как перенос структуры из одной концептуальной области («источника») в другую («цель») [12], и эти характеристики применимы к эвфемизму и дисфемизму. Как и метафоры, эвфемизмы и дисфемизмы также являются частью концептуальных сетей, что позволяет рассматривать эвфемизмы и дисфемизмы как метафоры или, по крайней мере, как особый случай метафоры [10].

Анализ рассмотренного корпуса эвфемизмов и дисфемизмов для менструации позволил представить

восприятие менструации как: 1) менструация это кара; 2) менструация это болезнь; 3) менструация это посещение; 4) менструация это кровотечение; 5) менструация это ассоциации с красным цветом; 6) менструация это телесное повреждение; 7) менструация это поломка механизма, неисправность; 8) менструация это цикличное явление; 9) менструация это период временного (вынужденного) отказа или запрета на какую-либо деятельность; 10) менструация это период тщательной гигиены и санитарной защиты организма; 11) менструация это источник сильного раздражения.

Пункты классификации мы снабдили по возможности иллюстративными примерами употребления, заимствованными из художественной литературы. В прошлом менструация характеризовалась, в основном, негативно как наказание, болезнь, неудобство. Эта тенденция сохранилась, но современные характеристики, как видно из примеров, более толерантны, нередко ироничны, забавны, остроумны и занимательны. К примеру, эвфемизмы, остроумно обыгрывающие названия спортивных клубов, содержащих слово “red” или мотивированные спортивной символикой клубов, эксплуатирующей красный цвет. Их разгадывание развлекает, настраивает на шуточный, ироничный, доброжелательный и толерантный лад.

Список литературы:

1. Антрушина Г. Б. Лексикология английского языка / Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова. – М.: Дрофа, 2004. 288 с.
2. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие / И. В. Арнольд. 2-е изд., перераб. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 376 с.
3. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.
4. Горшунов Ю. В. Эвфемистическая аббревиатурная лексика в прагматическом аспекте // Вестник БирГПИ: Филология. Вып. 3. – Бирск, 2003. – С. 56–60.
5. Горшунов Ю. В. Эвфемизмы в рифмованном сленге: монография (на англ.). = Euphemistic uses of rhyming slang: Monograph / Ю. В. Горшунов. – Бирск: БФ БашГУ, 2016. – 256 с.
6. Горшунов Ю. В. Социальные эвфемизмы в рифмованном сленге: монография / Ю. В. Горшунов, Е. Ю. Горшунова. 2-е издание, доработанное. – Бирск: БФ БашГУ, 2017. – 229 с.
7. Горшунов Ю. В., Горшунова Е. Ю. Гигиенические средства в рифмованном сленге / Ю. В. Горшунов, Е. Ю. Горшунова // Успехи современной науки и образования. – июль 2018. – Т. 38. – № 2. – С. 29–32.
8. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. – Берлин, 1994. – № 1–2. – С. 28–49.
9. Кудрявцев А. Ю. Англо-русский словарь сленга и ненормативной лексики / А. Ю. Кудрявцев, Г. Д. Куропаткин. – М.: ООО «Издательство АСТ»; – Харьков: «Торсинг», 2004. – 383 с.
10. Dwight Bolinger. Language, the Loaded Weapon: The Use and Abuse of Language Today. – London: Routledge, 1980. – 224 p.
11. Ellie Dean. There'll be Blue Skies. Arrow books, 2011. – 454 p.
12. George Lakoff and Mark Johnson. Metaphors We Live By. Chicago: The University of Chicago Press. 1980. – 242 p.

13. Jonathon Green. The Big Book of Rhyming Slang. Cassel, 2002. – 334 p.
14. Jonathon Green. Cassell's Dictionary of Slang London, 2003. – 1316 p.
15. Judith S. Neaman, Carol G. Silver. Wordsworth Book of Euphemism. Wordsworth Editions Ltd, 1995. – 409p.
16. Julian Barnes. Before She Met Me. London: Cape, 1982. – 183 p.
17. Martin Amis. Yellow Dog. Vintage, 2004. – 340 p.
18. Mary Wesley. A Sensible Life. A Black Swan Book. 1995. – 380 p.
19. Oxford Dictionary of Euphemisms (How Not to Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms) / R. W. Holder. Oxford University Press, 2008. – 412 p.
20. URL: http://www.medkrug.ru/article/show/prokljatie_Evy_algodismenoreja
21. URL: <https://www.kp.ru/guide/tsikl-mesjachnykh.html>
22. Words and expressions for menstruation around the world // URL: <http://www.mum.org/words.html>

Сведения об авторах

Горшунов Юрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор Башкирского государственного университета (Бирский филиал).

Адрес: 450420 Республика Башкортостан, г. Бирск, ул. Ленина, 41.

Телефон: 89053502851

E-mail: gorshunov_rambler.ru

Горшунова Елизавета Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, Москва.

Адрес: Москва, г. Московский, ул. Никитина, 4, кв. 240.

Телефон: 89268290775

E-mail: ms.gorshunova@gmail.com

Yu. V. GORSHUNOV¹,

E. Yu. GORSHUNOVA²

¹ *Bashkir State University at Birk, Russia*

² *Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation, Moscow*

ENGLISH EUPHEMISMS AND DYSPHEMISMS ON THE TOPIC OF THE PHYSIOLOGY OF WOMEN (MENSTRUATION)

Abstract

Objective: the article aims to systematize numerous euphemisms and dysphemisms on the topic of the physiology of women (menstruation) and arrange them according to the selected grounds.

Methods: research methods are determined by the purpose and objectives of the research. The main method is descriptive, implemented in the techniques of systematization, generalization and interpretation of linguistic material. Linguistic methods include contextual analysis and semantic interpretation.

Results: the topic of women's physiology (menstruation) is covered by examples of euphemisms and dysphemisms, selected from dictionaries of euphemisms, dictionaries of rhyming slang, general slang, Internet sites and English-language fiction. The author proposes a thematic motivational classification based on a wide range of grounds, which are accompanied whenever possible by examples from fiction.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used when highlighting the problems of euphemy in lectures and seminars in lexicology, stylistics, text interpretation.

Keyword: euphemism, dysphemism, sex, physiology of women, menstruation, pregnancy.

References:

1. Antrushina G. B. Leksikologiya angliyskogo yazyka / G. B. Antrushina, O. V. Afanas'yeva, N. N. Morozova. – M.: Drofa, 2004. – 288 p. (in Russian).
2. Arnol'd I. V. Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka: ucheb. posobiye / I. V. Arnol'd. 2-ye izd., pererab. – M.: FLINTA: Nauka, 2012. – 376 p. (in Russian).
3. Gal'perin I. R. Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka / I. R. Gal'perin. M.: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1958. – 459 p. (in Russian).
4. Gorshunov Y. U. V. Evfemisticheskaya abbreviaturnaya leksika v pragmaticheskom aspekte // Vestnik BirGPI: Filologiya. Vyp. 3. – Birk, 2003. – P. 56–60. (in Russian).
5. Gorshunov Y. U. V. Evfemizmy v rifmovannom slenge: monografiya (na angl.). = Euphemistic uses of rhyming slang: Monograph / YU. V. Gorshunov. – Birk: BF BashGU, 2016. – 256 p. (in English).
6. Gorshunov Y. U. V. Sotsial'nyye evfemizmy v rifmovannom slenge: monografiya / YU. V. Gorshunov, Ye. YU. Gorshunova. 2-ye izdaniye, dorabotannoye. Birk: BF BashGU, 2017. – 229 p. (in Russian).
7. Gorshunov Y. U. V., Gorshunova Ye. YU. Gigiyenicheskiye sredstva v rifmovannom slenge / YU. V. Gorshunov, Ye. YU. Gorshunova // Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya. – iyul' 2018. – T. 38. – № 2. – P. 29–32. (in Russian).
8. Krysin L. P. Evfemizmy v sovremennoy russkoy rechi // Rusistika. – Berlin, 1994. – № 1–2. – P. 28–49. (in Russian).
9. Kudryavtsev A. YU. Anglo-russkiy slovar' slenga i nenormativnoy leksiki / A. YU. Kudryavtsev, G. D. Kuropatkin. – M.: OOO «Izdatel'stvo AST»; – Khar'kov: «Torsing», 2004. – 383 p. (in Russian).
10. Dwight Bolinger. Language, the Loaded Weapon: The Use and Abuse of Language Today. – London: Routledge, 1980. – 224 p.
11. Ellie Dean. There'll be Blue Skies. Arrow books, 2011. – 454 p.
12. George Lakoff and Mark Johnson. Metaphors We Live By. Chicago: The University of Chicago Press. 1980. – 242p.
13. Jonathon Green. The Big Book of Rhyming Slang. Cassel, 2002. – 334 p.
14. Jonathon Green. Cassell's Dictionary of Slang London, 2003. – 1316 p.
15. Judith S. Neaman, Carol G. Silver. Wordsworth Book of Euphemism. Wordsworth Editions Ltd, 1995. – 409p.
16. Julian Barnes. Before She Met Me. London: Cape, 1982. – 183 p.
17. Martin Amis. Yellow Dog. Vintage, 2004. – 340 p.
18. Mary Wesley. A Sensible Life. A Black Swan Book. 1995. – 380 p.
19. Oxford Dictionary of Euphemisms (How Not to Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms) / R. W. Holder. Oxford University Press, 2008. – 412 p.
20. URL: http://www.medkrug.ru/article/show/prokljatie_Evy_algodismenoreja
21. URL: <https://www.kp.ru/guide/tsikl-mesjachnykh.html>
22. Words and expressions for menstruation around the world // URL: <http://www.mum.org/words.html>

Information about the authors:

Yury V. Gorshunov, Doctor of Philology, Professor of Bashkir State University, Birk Branch.

Address: 41 Lenin str., 452450, Birk, Bashkortostan, Russia.

E-mail: gorshunov_@rambler.ru

Elizaveta Yu. Gorshunova, Candidate of Science, Associate Professor of Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation, Moscow.

Address: 4 Nikitin str., apt. 240, Moskovski, Moscow.

E-mail: ms.gorshunova@gmail.com

E.S. KARPOV¹,E.G. KARPOVA¹,¹ Russian State University named by A. N. Kosygin (Technology. Design. Art), Moscow, Russia

TRANSFORMATION PROCESSES IN THE COMMUNICATIVE SYSTEM OF LANGUAGE UNDER THE INFLUENCE OF MODERN MASS MEDIAL DISCOURSE

Abstract

Objective: Determine the influence of modern mass media discourse on the communicative system of the language.

Methods: comparison, generalization, observation, system analysis, data grouping, theoretical knowledge, as well as the analogy method.

Results: based on the analysis of literature sources, the place of modern mass-media discourse in the communicative system of the language was revealed, the specificity of transformation processes in the communicative system of the language was determined, functional and stylistic features of mass-media discourse, which had linguistic and stylistic originality, were substantiated; the promising directions of development of the communicative system of the language are determined.

Scientific novelty: for the first time, on the basis of a complex of the presented methods, the influence of modern mass-media discourse on the communicative system of the language and the transformation processes associated with it is investigated. The novelty of the research also lies in the clarification and expansion of scientific approaches to understanding the systemic typological characteristics in the aspect of modern stylistics, textology and discourseology, as well as in identifying functional and stylistic features of mass media discourse as a variant of the discourse of Internet communications, which has a linguistic and stylistic originality, a special polycode, also in the fact that systematized materials on the theory of multimedia help to identify new promising areas of research into this phenomenon and its problematic aspects.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and practical pedagogical activities, in the activities of practicing journalists in the study of applied issues of the development of social networks, internet journalism. The practical value also lies in the possibility of using its results and conclusions in lecture and practical courses on the language and style of media, journalism, social networks, mass communication, especially in innovative special courses on the latest online journalism and media research, as well as in special courses on modern genre features of media texts. The materials can be useful for practicing journalists on the Internet.

Keywords: mass media discourse; communicative language system; information space; Internet communications.

For citation: Karpov E. S., Karpova E. G. Transformation processes in the communicative system of language under the influence of modern mass medial discourse // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2020, No. 9–10. – P. 43–49. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-9.10-43-49>

Introduction

Society of the XXI century is going through a new stage in the formation of the information space. The Internet as a type of text is playing an increasingly important role in the culture and structure of society. Scientists

compare its emergence with the emergence of writing or the formation of the media. Oral communication was previously possible only through direct communication. The development of technology has led to the emergence of the ability to contact using the messenger anytime and

anywhere. This predetermined the formation of new types of institutional discourse, changes in the forms of existence of vocabulary, the entire communicative system of the language. The modern info society is a new type of society, and its main feature is the presence of a new type of literature and information delivery – the Internet. This leaves an imprint on all types of speech activity, including oral institutional discourse.

Modern approaches to understanding the functional transformation of the communicative system of a language, including in Internet media, reveal the importance of the multimedia characteristic, under the influence of which the language is dynamically changing as a way of communication in the network media space. One of the most important types of discourse in which modern man is practically “immersed” is mass media discourse. It is multifunctional, it uses a variety of communication channels, and video content prevails in today’s mass media discourse.

There is a kind of “overflow” of information: a person lives in the information space, surrounded by news, events, news stories, and to attract his attention each time an ever brighter news occasion is required that can overshadow the previous ones. It turns out that the media are trying to “overtake” each other in pursuit of the attention of the listener, viewer, reader, and that, in turn, no longer knows which media to address. Modern mass media are the main, and for many people practically the only means of recognizing information. Consequently, the influence of information and telecommunication technologies, mass media discourse on almost all aspects of life actualizes research in this direction.

Main part

The concept of discourse, despite extensive discussion and coverage in scientific literature, turned out to be blurred due to its multidimensional nature and did not receive an unambiguous interpretation. Within the framework of this research, discourse is understood as “a coherent text in combination with extralinguistic-pragmatic, sociocultural, psychological and other factors” [1, p. 98–136], immersed “in a situation of communication and allowing many dimensions” [8, p. 5–6].

Discourse is verbal communication in a complex of various factors. In particular, the structure of discourse includes the context and consituation, previous acts of communication between the same two communicants, various precedent phenomena and the common apperception base of two communicating people.

A linguistic personality manifests itself in discourse. Typical forms of discourse, formed in the speech practice of a given society, are usually called institutional discourse. These can be various typical situations of communication, characteristic of a particular type of interpersonal interaction. The Internet enriches the number of models of institutional discourse due to the emergence of new ways of being information.

Unaware of the various types of institutional discourse, their differences and similarities, their use in different situations, a person will not be able to adequately translate and understand the statement addressed to him, and also will not cope with understanding someone else’s dialogue in literature, cinema, mass communication. Accordingly, the study of various types of institutional discourse and everyday discourse, including taking into account their updated composition, as well as typical ways of expressing typical meanings, will allow a person to navigate in a foreign language, in particular, in the English-language discourse of Internet communications.

The authors consider the main approaches to the study of the category of discourse and its interpretation. The role of discourse in the modern network communication space is determined, which makes it possible to single out a new type of discourse – mass media discourse. The concept of “discourse” arose in linguistics as an opposition to the concept of “text” and in many ways develops it, however, discourse, in contrast to the text, includes many parameters that are related mainly to the extralinguistic situation [1, p. 67].

Based on the analysis of the studied body of literature, the main changes and trends in the development of the modern language in connection with globalization and the transition to an information society are identified, which can be summarized in several provisions:

1. Word formation is overactive, since new derivative words are formed and enter into speech use not in stages, but rapidly, when, in accordance with the needs of society, a whole word formation group enters into speech use.

2. There is a wave of abbreviations and formations from abbreviations, for example: OMON – riot police, riot police; GIBDD – a traffic policeman; FSB – feesbeshnik; GKChP – Gekachepist; CIS-Eseng, etc.

3. The “openness” of modern society for international contacts, the strengthening of the process of globalization and informatization, the expansion of communication through the World Wide Web in recent years have led to

the entry into the language of a large number of borrowings (mainly from the American version of the English language): manager, briefing, animation, merchandising, franchising, supervisor, trend, fundraising, overdraft, guest worker, etc. Foreign words have become not only necessary, necessary, but also attractive and prestigious. In this case, the measure and selectivity in the use of foreign language vocabulary begins to be lost. General mood and fashion come to the fore. Signs of the city serve as an indicative illustration: shop, supermarket, mini-market, boutique. All new borrowings can be divided into two categories – necessary, inevitable, partly meeting the needs of the language itself, since they fit into the main trends of its development (as a result of the law of speech economy: brand “trade mark”, remake “processed work (film, musical, etc.) based on the old model”, exit poll “poll at the exit from polling stations”, musical “theatrical performance with elements of a rock opera”), and borrowings that do not meet the requirements of necessity, complicating the degree of mutual understanding in communication (blockbuster “box office movie”, artifact “education, unusual for the object of research and arising under the influence of research”, legitimacy “legality”, electorate “circle of voters”, guest worker “hired worker”, volunteer “volunteer”, face control “check”, franchise “copying in business”, overdraft “credit on a plastic card”, fundraising “fundraising”, creative “creative”, etc.).

4. Another manifestation of innovations in the language of our time is semantic transformations, which are also proceeding extremely intensively. The collocation of words is rapidly expanding, which leads to the rapid formation of new meanings, for example, a metal shuttle “part of a sewing machine mechanism” and a spinning shuttle “a successful trader who makes periodic trips to buy goods”, etc.

5. Intensive democratization of the language, combined with the abolition of censorship, has led to the fact that unnormalized vocabulary, as well. quite often invectives have gone beyond the limits of everyday speech and are widely used in all genres that require expression: newspaper and television reports, publicistic speeches, political debates. Buzz, get it, soak it, sucks, fat, freebie, brake, etc. – before, such vocabulary was outside the scope of literary use and was carefully fixed.

Today, in the 21st century, jargonized speech can be heard and read almost everywhere: on the street, in transport, in the cinema, on radio, television, in the speeches of politicians, businessmen, in advertising, and this phe-

nomenon does not shock the public, as two decades ago, and for its understanding specialized dictionaries were created, which are being actively updated. The question of the state of the modern language occupies a significant place in the academic environment and causes serious scientific controversy, which is due to the relevance and depth of this problem.

Characterizing the linguistic situation, theorists and practitioners who support them, distinguish the following features:

1) significant changes that have occurred in Russia in the post-perestroika era, have led to changes in the language situation and led to the widespread spread of profanity;

2) the use of slang and foreign language vocabulary is widely used in the nomination process: according to the linguistic appearance of the surrounding world, in particular, the names of city streets, the names of infrastructure institutions, banks, shops and other organizations, it is difficult for advertising to determine which language is in our country has the status of a state;

3) the government, officials, whose concern is to improve the management tool – language, do not know effective methods to improve the situation in the language sphere. As a result, the adoption of measures to regulate and protect the language from unnecessary and imposed forms of vocabulary is delayed;

4) significant damage to the language is caused by the publishing policy associated with the translation of foreign literature, which does not fulfill the function of enriching the dictionary, phraseology of the Russian language, its syntax. The poor quality of the originals and the even lower quality of commercial translations into Russian impoverish the lexical system;

5) in information and telecommunication technologies, in the mass media that play the role of a linguistic authority, illiteracy is passed off as the norm, and the modern “newspeak” – as a literary language. The speech of television and radio broadcasters, journalists, commentators, called upon to be carriers of the state cultural and linguistic policy, is replete with mistakes, an open orientation towards foreign samples that are alien to the traditions of the Russian language. On radio and television, it has become fashionable to speak with an American accent and cheekily [20, C. 117].

Professor Yu. V. Rozhdestvensky expresses concern about the undefined socio-political status of the Russian language and believes that the Russian language is losing ground at the very core of the latest language practice,

since borrowings from the English language are used in the field of information technologies of all types and purposes [4, C.104–120].

In general, the quality and level of language proficiency in society is low. The current problems of the language have a pronounced socio-economic coloring and are part of the general crisis experienced by society.

Without entering into polemics with the judgments of scientists, we believe that it is necessary to pay attention to the fact that establishes a direct connection between what you say and write and how it happens. Language as a way of conceptualizing the surrounding reality determines, in a sense, a view of the world and even, to a certain extent, the behavior of a person.

We believe that conditions and lifestyle determine the behavior of an individual. The level of education, upbringing, value attitudes, worldview, environment, a number of other factors – all this directly influences and forms the speech culture of personality. A ban on anything, and in our case on the use of profanity (obscene vocabulary, argos, jargons of various kinds), which includes slang in the discourse of Internet communications, instills fear, but does not lead to the necessary results to improve the quality of the common language: a literate ideology is needed in relation to the preservation of the fundamental principle of the language. In other words, the speech of a society in a broad sense reflects the level of its life, satisfaction with the conditions of existence.

In our opinion, those changes in the language, about which so much is written and spoken about, affect not the language system, but linguistic competence (the ability to speak) and, consequently, generated texts; the lack of culture that has gripped society, the inability to vary language styles depending on the situation and circumstances are not irreversible. When discussing and assessing the level of development of a modern language at the present time, one cannot confuse the actual language issues and the speech practice of language users. The processes taking place in the language, in our opinion, should be considered as a dynamic, functionally developed state of the language system. Positive changes in the socio-political life of the country will duly affect the speech of society, increasing the linguistic competence of native speakers. Thus, having designated the nature of the phenomena and trends in the development and functioning of the language in modern conditions, we note that the “liberalization” of the norms of the codified language as a result of socio-economic changes and

transformations of value attitudes in society was the primary cause of the main changes in the lexical system of the language and in the speech of its users.

In modern society, special attention is focused on establishing effective communication between representatives of different cultures in virtual Internet communication. Regardless of social or professional affiliation, age, religious views, there has recently been a massive use of slang by all segments of the population. The lexicon and phraseology of slang reflects the peculiarities of its existence: the absence of prohibitions, censorship, norms of use. Slang is distinguished by such features as openness, the transition into spoken language of various segments of the population, an abundance of borrowings and slangisms created on their basis. Slang in the discourse of Internet communications currently most vividly conveys the cultural and linguistic situation of the beginning of the XXI centuries. and reflects the dynamics of lexicon development, attracting the attention of linguists, scientists and practitioners.

Many sciences are engaged in the study of slang, including linguistics, sociology, psychology, philosophy, etc. As a functional variety of the Russian language lexical and semantic subsystem, slang uses the phonetics and grammar of the primary communication system (literary language, colloquial speech, written speech, territorial dialect) and is characterized by dependence. They use it not so much because of a communicative need (for this, a common language is enough), but in order to show originality, update familiar expressions, and give speech a friendly shade.

Research results

As a result of the study, the authors come to the following kind of conclusions and generalizations. The communicative environment of mass media discourse includes the following genres: 1) e-mail; 2) chat – informal communication in real time using technical devices, devices; 3) electronic bulletin boards; 4) computer conferences; 5) webinars; 6) social networks – uniting people into network communities for communication and instant transmission of information and telecommunication messages “Vkontakte”, “Odnoklassniki”, “Facebook”; “Twitter”, programs for transmitting information and telecommunication messages Wiber, WhatsApp, etc. The empirical material of the study was the content of the sites Vkontakte, Twitter, Instagram, Facebook, LiveJournal blog, Wiber chats, WhatsApp, etc., on which more than 100 texts were considered and selectively more

than 40 examples are analyzed in detail. The choice of texts for analysis was due to the breadth of features and functional flexibility of this language, as well as the need to identify common, key characteristics, while using the techniques of observation, comparison, generalization, as well as contextual analysis.

As a material for the analysis, micro messages from the Twitter website were chosen, conceived as an answer to the question “what the user is doing at the moment” – each talked about what worries him at the moment, what is happening in his life, etc. In its meaning, the exchange short text messages is the most efficient way to disseminate information: for example, in moments of acute social conflicts, it was “tweets” that turned out to be a way to unite and discuss what was happening. The site loads quickly, does not require a lot of traffic and easily allows you to report everything that is happening.

On the other hand, Internet users often abuse attempts to “grasp” their momentary experiences: objectifying their experiences becomes an end in itself, a person seems to be looking in the mirror all the time.

The emergence of a new way of communication radically changes the structure of the linguistic personality: the rapid exchange of messages leads to the use of abbreviations, non-observance of grammatical and syntactic rules, punctuation marks are often absent in the text. However, the main criterion is the understanding by the potential audience – the so-called followers – of the meaning of messages and the correct reading of their communicative intention.

The constant fascination with their experiences could not but affect the vocabulary and grammar of the linguistic personality, while the pragmatics is determined by the ability to communicate in real time about your emotions and get a reaction online.

The texts of messages within the framework of the discourse of Internet communications are characterized by structural-semantic and functional-pragmatic features characteristic of the discourse of mass communication networks, informal discussions of problems within the framework of informal interpersonal communication. The specificity of the discourse of Internet communications consists in the selective combination of features characteristic of other types and forms of communications.

The researched statements in social networks, on online forums, blogs, social networks represent the dialectical unity of written and oral communication – written, since they are formally fixed in alphanumeric characters

and are perceived visually; and oral, as they capture direct communication, including paragraphic substitutes for sign language, facial expressions and intonation (a vivid example is emoticons). Utterances are very often divided not into sentences, but into intonation units – predication, if necessary separated by punctuation. This type of communication – oral through writing – is labeled by the author as oral and written.

The authors investigate the functional and practical specifics of slang units in the space of Internet communications; speech specifics of Internet communications; the main types of Internet communications; transformational processes in human consciousness in the media of network mass communication; slang as a marker of personality transformation on the Internet.

In the globalizing conditions of the development of the information society, the functioning of the masses, media discourse in the communicative system of the language is an independent direction of modern Internet journalism, corresponding to classical systems, possessing original and stable functional and stylistic features, including polycode, which were formed in the context of the development of modern network mass communication in the media space and identified the possibility of separating slang into an independent linguistic unit of the discourse of Internet communications. If the author identifies with a certain social group through the use of slangisms, then a so-called marginal discourse appears: the discourse of a person who considers himself to be a limited linguistic community, using slangisms for self-identification.

Conclusions

1. The structure of mass communication with the advent of the Internet has changed, since the transformation processes in the communicative system of the language have an increasing dynamics.

2. A new structural entity has appeared – a global network. Researchers note that the Internet was originally a qualitatively new type of media, so new that representatives of traditional journalism literally did not know what to do with it.

3 The proliferation of the Internet, on the one hand, neutralizes the unidirectionality of the information flow, but at the same time expands the possibilities for manipulation.

4. The Internet contains a wide variety of information on the same issue, and any user himself forms the content of the information he has read, using hypertext navigation using links.

Among the features of modern mass media discourse in the communicative system of the language, the following should be highlighted:

(1) selectivity in the use of the media: an increasing number of people prefer to receive information not from one, but from several sources;

(2) some bias in the presentation of news: the emotional component is brought to the fore, and news important or unpleasant for the state is hushed up;

(3) playing with vocabulary: the formation of a certain perception of what is happening with the help of the lexemes used.

The Internet, which has entered the already established structure of the media as a new entity, has changed the “balance of power”. A significant factor is that the electronic format for presenting information, as it were, accumulates all those features of the media that existed before. Slang is the language of a new type of Internet communications, in which the properties of verbal and

non-verbal discourses are closely intertwined, the concepts of completeness, integrity and coherence are expanded, and meanings and functions are redistributed as a result of combining information, analytical and communicative characteristics.

The study can be continued in terms of expanding the applied aspects of studying the Internet space as an environment for the functioning of mass media discourse in the context of the intensive development of network mass communication, communicative space, a single media space based on multimedia and identifying its specificity and dynamics. It seems promising to further study the functional and pragmatic aspect of other genres of Internet communications on the material of other languages, which will reveal the algorithmic features and patterns of modern network mass communication in the media space, while significantly complementing the modern mass media discourse of the communicative system of the language.

References

1. Avanesov R. I. *Russkaya dialektologiya* (Russian dialectology), R. I. Avanesov, S. V. Bromley et al., Nauka, 2017. – 305 p. (in Russ.).
2. Bondaletov V. D. (Typology and genesis of Russian argos), V. D. Bondaletov. – Ryazan: Triada, 2017. – 84 p. (in Russ.).
3. Borisova-Lukashenets E. G. O leksike sovremennogo molodezhnogo zhargona (angloyazychnyye zaimstvovaniya v studencheskom slenge 60–70-kh godov) (On the vocabulary of modern youth jargon (English borrowings in student slang of the 60–70s)), E. G. Borisova-Lukashenets, *Literaturnaya norma v leksike i frazeologii* (Literary norm in vocabulary and phraseology.), 2019. – 120 p. (in Russ.).
4. Vakhitov S. V. *Leksii o russkom slenge* (Lectures on Russian slang), S. V. Vakhitov, Ufa: UGPU Publishing House, 2016. – 448 p. (in Russ.).
5. Vinogradov V. V. *Leksikologiya i leksikografiya, zbrannyye trudy* (Lexicology and lexicography, selected works), V. V. Vinogradov: Nauka, 2017. – 312 p. (in Russ.).
6. Golovin B. N. *Voprosy sotsialnoy differentsiatsii yazyka, voprosy sotsialnoy lingvistiki* (Questions of social differentiation of language, Questions of social linguistics), Nauka, 2019. – 354 p. (in Russ.).
7. Grachev M. A. *Russkoye argo* (Russian argo), M. A. Grachev. – N. Novgorod: Publishing house of NGLU, 2017. – 246 p. (in Russ.).
8. Elistratov B. C. *Argo i kultura* (Argo and culture), B. C. Elistratov: Mir knigi, 2016. – 639 p. (in Russ.).
9. Elistratov B. C. *Russkoye argo v yazyke, obshchestve i kulture* (Russian argo in language, society and culture), B. C. Elistratov: Astrel, 2019. – 375 p. (in Russ.).
10. Ermakova O. P. *Slova, s kotorymi my uzhe vstrechalis. Tolkovyy slovar russkogo obshchego zhargona* (Words that we have already met. Explanatory dictionary of Russian general jargon): Alfa-vit, 2019. – 574 p. (in Russ.).
11. Ivanova M. V. *Aktivnyye protsessy v sovremennom russkom yazyke* (Active processes in modern Russian language, M. V. Ivanova, N. S. Valgin): Lan, 2017. – 324 p. (in Russ.).
12. Karaulov Yu. N. *O sostoyanii sovremennogo russkogo yazyka* (On the state of modern Russian language), 2018. – 31p. (in Russ.).

13. Kramorenko G. I. Zaimstvovaniya v soldatskiy sotsiolekt FRG (po materialam slovary Khayntsa Kyuppera) (Borrowing into the soldier's sociolect of the FRG (based on the dictionary of Heinz Kupper), Smolensk: SGPU, 2019. – 178 p. (in Russ.).
14. Kramorenko G. I. O novom v tendentsiyakh razvitiya sovremennogo yazyka molodezhi (On the new in the development trends of the modern language of youth, G. I. Kramorenko. Actual problems of text linguistics), – Bryansk, 2019. – 92 p. (in Russ.).
15. Mokienko V. M. Tolkovyy slovar' yazyka Sovdepii (Explanatory dictionary of the language of the Soviets. V. M. Mokienko): ACT, 2017. – 848 p. (in Russ.).
16. Rozhdestvensky Yu. V. O sovremennom polozhenii russkogo yazyka (On the current state of the Russian language), Philology, 2019. – No. 9. – 117 p. (in Russ.).
17. Salyaev V. A. O sotsialnykh dialektakh russkogo yazyka (About social dialects of the Russian language), 2018. – No. 8. – 93 p. (in Russ.).
18. Sovremennyy russkiy yazyk: Teoriya. Analiz yazykovykh yedinit: ucheb. dlya studentov vyssh. zavedeniy (Modern Russian language: Theory. Analysis of linguistic units: textbook. for students of higher): Academy, 2016. – 544 p. (in Russ.).
19. Stoikov S. Sotsial'nyye dialekty, Voprosy yazyko-znaniya (Social dialects. Questions of language knowledge), 2017. – No. 6. – 84 p. (in Russ.).
20. Uspensky B. A. Iz istorii russkogo literaturnogo yazyka XVIII- nachala XIX veka (From the history of the Russian literary language of the 18th – early 19th century): Publishing house of Moscow State University, 2019. – 215 p. (in Russ.).
21. Khomyakov V. A. Vvedeniye v izucheniye slenga – osnovnogo komponenta angliyskogo prostorechiya (Introduction to the study of slang – the main component of the English vernacular), – Vologda: Publishing house of VGPI, 2017. – 104 p. (in Russ.).
22. Androutsopoulos J. K. Deutsche Jugendsprache. Untersuchungen zu ihren Strukturen und Funktionen, F.a. – M.: Lang, 2018. – 688 p.

Information about the authors

Ernest S. Karpov. Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Journalism and Television Technologies, Russian State University named by A. N. Kosygin (Technology. Design. Art), Moscow, Russia.

Address: Sadovnicheskaya 33, bldg. 1, 115035, Moscow, Russia, ext. 1303/1123 general department.

E-mail: calib_mr_stolz@rambler.ru; tel.: +7 (495) 811-01-01

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8908-2705>

Elena G. Karpova, Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Sociology and Advertising Communications, Russian State University named by A. N. Kosygin (Technology. Design. Art), Moscow, Russia.

Address: Sadovnicheskaya 33, bldg. 1, 115035, Moscow, Russia, ext. 1303/1123 general department.

E-mail: pedagogikanet@yandex.ru; tel.: +7 (495) 811-01-01

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4062-8957>

E. A. OGNEVA ¹¹Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

LITERARY CONCEPTUAL DOMAIN AS KNOWLEDGE FORMAT

Abstract

Relevance of the problem: the article deals with the literary text structure studying as the conceptual domain. Literary text is identified as knowledge format of writer's worldview projection. The literary conceptual domain is structured as a unit of literary concepts which consist of literary subconcepts.

Objective: to identify the specific features of the literary conceptual domain as knowledge format of writer's worldview projection and analyse the literary concept named "Russian landscape" represented in the novel "World and Peace" by L. Tolstoy as one of the most important concepts in the literary conceptual domain of this roman in Russian and English.

Methods: cognitive-hermeneutical modeling, context analysis.

Scientific novelty: the cognitive-comparative model of literary conceptual domain is represented as knowledge format. The specific features of the literary concept named "Russian landscape" represented in the novel "World and Peace" by L. Tolstoy are identified. The tendencies.

Results: the literary conceptual domain consists of literary concepts which include literary subconcepts. Nominative fields of literary concepts and literary subconcepts are the units of different types nominates. The literary concept named "Russian landscape" has complicated structure. The nominative field of the literary concept named "Russian landscape" transformed at the interpreting from Russian into English.

Practical significance: the material of this scientific development can be successfully applied at the lecture and practical causes by cognitive linguistics, text theory, text modeling, and translation studies.

Keywords: literary conceptual domain, literary concept, writer's worldview projection, knowledge format, nominative field.

For citation: Ogneva E. A. Literary conceptual domain as knowledge format // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2020, No. 9–10. – P. 50–55. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-20-9.10-50-55>

Introduction

The contemporary cognitive-discursive potential of linguistic studies opens up new perspectives in the text study. Text is identified as one of the ways of fixing, storing, representing of knowledge and experience of the cultural and linguistic space of the ethnos.

The text refers to "a holistic communicative formation of a linear format. The text components are combined by the communicative intention of the author into a single hierarchically organized semantic structure as a sequence of linguistic signs" [1, p. 6].

The text is represented as complex multi-vector object of study in linguistics. Therefore, it is the most valuable object of study in linguistics, because text is the

purpose and result of the language action. It is the highest unit, the form of speech.

According to G. Ya. Solganik, all language units and language categories gain true life precisely in the texts [20, p. 8].

It is evident, all text aspects are explored in the process of their conceptual domain studying as a unit of concepts. In such point of view concepts identify as "mental realities, conceptual structures of knowledge and experience, opinions and assessments, plans and goals, attitudes and beliefs" [13, p. 13].

The theory of text implementation of the concept forms a unique field of cognitive linguistics. Literary text has a special place in the system of speech imple-

mentations of the concept, being a fixed version of the individual-author concept, which sets the semantic configuration of the literary conceptual domain as a set of literary concepts.

The literary concept is meant as “a component of the author’s literary conceptual domain, which includes those mental signs and phenomena that are preserved by the historical memory of the people, are cognitively pragmatic in the author’s mind for the development of the plot and create a cognitive aura of the text” [17, p. 8].

As a result of a deep cognitive-hermeneutic analysis of the literary conceptual domain it was established that its architectonics are the unity of the semantic and formal levels.

The semantic level of the conceptual domain is the sum of cognitive formations and their representative knowledge formats. Knowledge formats is meant as “a certain form of representing knowledge at the thought (conceptual) or language levels” [8, p. 26].

The relationship of cognitive formations in the text structure is hierarchical. In such hierarchy each subsequent formation is a derivative of the predecessors’ ones. So, the component of meaning is the minimum cell of the conceptual domain. It is evident, the unit of meaning components forms a concept-element.

The unity of concept elements forms a sub-concept. A unity of sub-concepts is a concept. The unity of literary concepts is the literary conceptual domain represented by a unit of conceptually simple and conceptually complex knowledge formats.

Conceptual-complex formats are divided into two forms: the first form named many-component formats such as proposition, frame, script, etc. The second form named integrative formats such as category, matrix, etc. [see about knowledge formats: 8, p. 27–28].

The formal level of the literary conceptual domain is the unity of linguistic structures that verbalise as static as dynamic conceptual structures of the literary conceptual domain.

Research Result

Studies of the material showed that the dynamic segment of the conceptual domain is represented as usual by a script, and a scene. The static segment is represented by a frame.

The special organisation of text architectonics, the high frequency of frame reprinting of cognitive formations that form the literary conceptual domain contributed to a large analysis of this static knowledge format. As a result the following relationships were revealed.

Firstly, frame is a multi-component conceptual structure presenting a static segment of the concept.

Secondly, frame is a unit of sub-frames representing a static part of subconcepts.

Thirdly, a subframe is a unity of frame elements that represent a static part of concept-elements.

Finally, a frame-element is a combination of nominees representing a static part of meaning components.

Having studied in detail the formal level of architectonics of the literary conceptual domain it is appropriate to recall the statement of A.A. Zalevskaya who noted “the original meaning embedded in the text by its author is transmitted through the meanings of the words used, which is the mediator in a five-membered connection such as *author – text projection – text body – text section – reader*, moreover, the meaning and spontaneous interpretation of the text proceeds on the basis of personal experience and related experiences of different people” [10, p. 71].

It is evident the ontological triad “*the system of the world – the system of language – the conceptual system of man*” interpretation is associated with man, his acceptance and evaluation of the system of the world and the system of language” [6, p. 15–16].

In this way the readers’ perception of literary concepts created by the writer is carried out in literary discourse as a sphere of author’s design re-reading by readers’ perception.

Literary discourse is a cognitive-communicative interaction forming ‘a single fund of knowledge and ideas about the world, a system of norms and assessments, knowledge about strategies and tactics of speech behavior, typical expletive and implicit ways of its linguistic expression’ [9, p. 164].

This phenomenon allows to consider discourse as a generator of meaning, a speech phenomenon of a non-linear nature that engages with the cognitive categories of the readers.

According to N. F. Alefirenko the discourse is “both a process of speech activity and its result (text), representing a communicative event” [2, p. 6].

Determining of the literary discourse significance in the system of speech implementations of the concept is one of the stages of a comprehensive study of such a multifaceted phenomenon as a concept that is remote from the writer in time and space, which leads to a “new creation of literary concepts” [3].

Such “new creation of literary concepts” in the literary conceptual domain should be called as “the primary new creation of the literary concept”.

In the mind of the translator as a reader of the original text, first of all, there is a “primary new creation of literary concepts” which in the translation process leads to a “secondary new generation of literary concepts”.

The relationship between “primary new creation of literary concepts” and “secondary new creation of literary concepts” in the translator mind influences to some facts such as:

a) the degree of transmission of linguistic structures architectonics verbalised literary concepts by means of another language,

b) the adequacy level of the semantic interpretation of a literary idea as a complex linkage of discursive-cognitive images [24, 22].

It is identified that the relationship between “primary new creation of literary concepts” and “secondary new creation of literary concepts” in the translator mind influences to culturally conditioned images too.

As the result, the role of interpretation as a cognitive process increases to establish the meaning of the text, determine the parameters of its cognitive communicative space [5, 12, 23].

In this case, the interpretive activity is based on one or another level of knowledge formats standardization. In this way all participants should know the principles of knowledge formats standardization.

Such information is useful in “communication of members of the cultural, national, territorial, social, professional or other community of people” [7, p. 26].

It is evident the interpretive activity is based on knowledge hierarchisation reflected in the literary text which transformed at the translation as a result of linguistic and extralinguistic factors” influence.

It is evident that readers’ perception of the literary concepts of the translated text is a “tertiary new creation of the literary concept” [18, p. 119].

A comparative study of the literary conceptual domain in original and translated versions of literary text establishes that the coherent contours of literary concepts during their primary and tertiary “new creation” differ from each other.

The reason of such difference doesn’t stay between the individual concepts’ volume of the original text readers and the individual concepts’ volume of the translated text readers.

Such difference is a result of the literary concepts’ transformation during “secondary new creation” by the translator.

In this way it is so important fact that the inverse kernel of the literary concept’ meaning is kept, but the national specific marked periphery of the literary concept’ meaning is transformed.

Due to linguistic transformations, the altered cognitive aura of the literary conceptual domain contributes to the formation of transformed literary image in the perception of foreign-cultural readers [18, p. 125].

A cognitive-comparative study of the literary conceptual domain of the original text and the literary conceptual domain of the translated text reveals the trends and degree of linguistic structures’ transformation that recruit cognitive ones. Linguistic structures’ transformation is a necessary condition for their cognitive-comparative modeling.

Such kind of cognitive modeling has the purpose to understand the interfacing mechanisms of linguistic reality categories which correlate with cognitive categories as a result of the interpretive mastery of the world by the language consciousness of the author and the translator.

The priority tasks of cognitive-comparative modeling of the literary conceptual domain include the study of some discussion problems such as:

(a) hermeneutics of the model relationship between text and discourse;

(b) modeling of the cognitive structure of the literary conceptual domain in the theory and practice of translatology;

(c) establishing principles for the transfer of the cultural and cognitive aura of the conceptual domain in the original text by means of language translation.

In this point of view, it should be taking into account the fact “what kind of knowledge structures are behind certain linguistic and which language forms should be used to present certain knowledge formats” [14, p. 7].

This article considers language structures that verbalise the literary concept named Russian landscape as a static knowledge format. This static knowledge format represents the eponymous ethnocultural literary concept.

According to V.N. Levina “a landscape in the literary text is a special means of accumulating, storing and transferring knowledge. It is an instrument of reality understanding that allows to comprehend a national mentality” [15, p. 401].

It is obvious that a detailed study of national mentality is relevant for the contemporary state of cognitive linguistics. According to E. S. Kubryakova “mental entities having verbal constructions are the key to considering

the specific features of human intelligence and human cognition" [13, p. 13].

It is obvious that "the cultural paradigm is the base for intellectual knowledge" [11, p. 272]. The results of intellectual knowledge are embodied, including in landscape units. A landscape unit refers to a complex compositional component of literary text as unit of literary concepts.

The verbalisation of literary concept named "Russian landscape" is explored by the material of the novel "War and Peace" by L. N. Tolstoy.

This book is a masterpiece of Russian classics that is why there are a lot of translated texts of this novel in different language. Many foreign readers are interested in this novel.

A detailed consideration of the literary concept's field structure named "Russian landscape" represented in the studied novel "War and Peace" by L. N. Tolstoy identified a number of literary subconcepts.

These literary subconcepts are the components of kernel-peripheral structure of literary concept's nominative field.

One of the significant components of the kernel zone in the studied literary concept is the literary subconcept named "old oak". This literary subconcept has so great status in the literary concept's nominative field because the oak is due to the special ethnocognitive symbol in the Russian landscape. As it is known, oak is cultural dominance in the ethnocognitive world view of Russian man.

The literary subconcept named "old oak" is the ethnocultural symbol in the literary conceptual domain of the novel "War and Peace" by L. N. Tolstoy.

Being the ethnocultural symbol the literary subconcept named "old oak" is a synergistic subcategory formed by the culture and language. This ethnocultural symbol is a complex and multi-tiered mental formation.

This ethnocultural symbol as mental structure has "evaluation and relational evaluation semantics containing information about the attitude of a person to a reflected subject" [1, p. 144]. We emphasize that in the legend of the Slavs, oak was mentioned as a world tree. Legends about oaks that existed before the creation of the world have survived [4].

The oak as the ethnocultural symbol is presented in the legend of the Slavs. The oak is mentioned as a world tree in the legend of the Slavs. There are the legends about the oaks that existed before the creation of the World [ibid].

Y. M. Lotman wrote the work named "Analysis of the poetic text. The structure of the verse". This scientist pays

attention to the fact that the ideological structure of the oak image as a symbol of immortality is connected with "the microspace grave with the universe" [16, p. 192].

This point of view correlates with the idea of N. F. Alefirenko who said that "the key concepts of culture focus in themselves the entire system of the semantic organisation of ethnic consciousness in the unity of its paradigmatic, synthagmatic and lingvocultural connections" [1, p. 152].

It is evident the meaning of the oak image in the novel "War and Peace" by L. N. Tolstoy is also symbolic. Moreover, L. N. Tolstoy as the great literary world creator composed two images of old oak on the novel's pages. This article is about the first oak image presented by the following description (in translit):

Na kraju dorogi stoja dub. Verojatno v desjat' raz starshe berez, so-stavljavshih les, on byl v desjat' raz tolshhe i v dva raza vyshe kazhdoj berezy. Jeto byl ogromnyj v dva obhvata dub s oblomannymi, davno vidno, sukami i s oblomannoj koroj, zarosshej starymi boljachkami. S ogromnymi svoimi neukljuzhimi, nesimmetrichno-rastopyrennymi, korjavymi rukami i pal'cami, on starym, serditym i prezritel'nym urodom stoja mezhdju uljajushimisja berezami. Tol'ko on odin ne hotel podchinjat'sja obajaniju vesny i ne hotel videt' ni vesny, ni solnca [21].

The cognitive analysis of the investigated material showed that the description of the old oak tree is a collection of ten nominants representing the subconcept "old oak". Among ten nominants eight nominants which describe the oak tree are adjectives. Two nominants of them are verbs.

Next research step focuses on the cognitive-comparative analysis of this ten nominants in the nominative field of literary subconcept "old oak" represented in the original text of the novel "War and Peace" by L. N. Tolstoy and in the translated text into English:

At the edge of the road stood an oak. Probably ten times the age of the birches that formed the forest, it was ten times as thick and twice as tall as they. It was an enormous tree, its girth twice as great as a man could embrace, and evidently long ago some of its branches had been broken off and its bark scarred. With its huge ungainly limbs sprawling unsymmetrically, and its gnarled hands and fingers, it stood an aged, stern, and scornful monster among the smiling birch trees. Only the dead-looking evergreen firs dotted about in the forest, and this oak, refused to yield to the charm of spring, or notice either the spring or the sunshine [25].

In this cognitive-comparative study reliable results are obtained that reveal the degree of conformity be-

tween the architectonics of the original nominants and the translated nominants due to the use of a comprehensive comparative analysis of the nominants' structures and nominants' meaning.

According to R. G. Piotrovsky, "the nominants' meaning usually controls the synergy of the the nominants' structures" [19, p. 18].

The comparison of the architectonics of the original nominants and the translated nominants are the base to:

(a) identify the tendencies of adapting this literary image to the perception English-speaking readers,

(b) determine the degree of permissible translation transformations which don't transform ethnosymbolism of oak image, reflected in the original text of the novel "War and Peace" by L. N. Tolstoy.

There are the results of the nominants' translation:

(1) the first nominant 'v desjat' raz starshe berez' is the chroneme. This chroneme is translated symmetrically into English as *'ten times the age of the birches'*.

(2) the second nominant 'v desjat' raz tolshhe' is translated symmetrically into English as *'ten times as thick (as they)'*.

(3) the third nominant 'v dva raza vyshe kazhdoj berezy' is translated asymmetrically into English as *'twice as tall as they'*. The component of nominative field of literary subconcept named "old oak" the word-composition 'kazhdaja bereza' means the ethnosymbol of Russia, but in the English text this nominant was replaced by the word *'they'*. This nominant replacing transformed the landscape of Russian plain represented into English text.

(4) the fourth nominant 'ogromnyj v dva obhvata dub' is translated asymmetrically into English as *'an enormous tree, its girth twice as great as a man could embrace'*. The ethnosymbol 'dub (oak)' was replaced by the word *'tree'*, i.e. Russian ethnosymbol is absent in the translated English text.

(5) the fifth nominant 's oblomannyimi, davno vidno, sukami' is translated asymmetrically into English as *'evidently long ago some of its branches had been broken off'*.

(6) the sixth nominant 's oblomannymi koroj, zarosshimi starymi boljachkami' is translated asymmetrically into English as *'its bark scarred'*, i.e. the word-combina-

tion such as 'oblomannymi koroj' and 'starymi boljachkami' are absent in the translated English text.

(7) the seventh nominant 'ogromnymi svoimi neukluzhimi, nesimmetrichno-rastopyrennymi, korjavymi rukami i pal'cami' is translated asymmetrically into English as *'with its huge ungainly limbs sprawling unsymmetrically, and its gnarled hands and fingers'*.

(8) the eighth nominant 'starym, serditym i prezritel'nym urodom' is translated asymmetrically into English as *'an aged, stern, and scornful monster'*.

(9) the ninth nominant 'tol'ko on odin ne hotel podchinit'sja obajaniju vesny' is translated asymmetrically into English as *'this oak, refused to yield to the charm of spring'*.

(10) the tenth nominant 'ne hotel videt' ni vesny, ni solnca' is translated asymmetrically into English as *'notice either the spring or the sunshine'*.

It is evident the most part among ten nominants of nominative field in the literary subconcept "old oak" is translated asymmetrically from Russian into English/

Conclusion

As a translation result of the novel "War and Peace" by L. N. Tolstoy from Russian into English, the nominants in the nominative field of the literary subconcept "old oak" as a component of the literary concept "Russian landscape" were transformed.

In such way the translator's secondary creation at the forming level and meaning level of the literary subconcept the image of hundred oak tree transformed into different image in the English translated text of the novel "War and Peace" by L. N. Tolstoy.

The cognitive comparative analysis of the nominants of the literary subconcept named "old oak" in Russian text and in English text revealed that ethnosymbolism in the original description of the oak tree was transformed.

Such translator's act led to the distortion of this significant component of the Russian plain landscape as the symbol of the Russian people existence and the mysterious Russian soul in due to translation transformations and changes in the parameters of literary discourse.

The ethnosymbol of the novel "War and Peace" by L. N. Tolstoy has not been translated in full to the perception of a foreign-cultural readers.

References

1. Alefirenko N. F. Language, knowledge and culture: Cognitive-semiological synergy of the word: Monograph. – Volgograd: Change, 2006. (In Russian).
2. Alefirenko N. F. Text – discourse-language. Russian philology. Ukraine Bulletin: Republican Scientific and Methodological Journal. – Kharkiv. 2007. – № 2–3. – P. 3–7. (In Russian).

3. Askoldov S. A. Concept and word. Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text. Anthology. Ed. prof. V. P. Neroznaka. – Moscow: Academia, 1997. – P. 267–279. (In Russian).
4. Afanasyev A. N. Mythology of ancient Russia. Poetic views of Slavs on nature. – Moscow: Eksmo, 2005. (In Russian).
5. Boldyrev N. N. Conceptual space of cognitive linguistics-key. Issues of cognitive linguistics. 2004. – № 1. – P. 18–36. (In Russian).
6. Boldyrev N. N. Language categories as a format of knowledge. Issues of co-gnitive linguistics. 2006. – Issue. 2. – P. 5–22. (In Russian).
7. Boldyrev N. N. Evaluation categories as a knowledge format. Cognitive studies of language. Types of knowledge and the problem of their classification: scientific articles. – Moscow: Language Institute, Russian Academy of Science; Tambov: TSU named after G. R. Derzhavin, 2008. – Issue. III. – P. 25–37. (In Russian).
8. Boldyrev N. N. Conceptual basis of language. Cognitive research of language. – Issue. IV. Conceptualization of the world in language: team monography. – Moscow: Language Institute, Russian Academy of Science; Tambov: TSU named after G. R. Derzhavin, 2009. – P. 25–77. (In Russian).
9. Gershanova A. F. Interpretation problem in artistic discourse. International Congress on Cognitive Linguistics. – Tambov: Publishing house of TSU named after G. R. Derzhavin, 2010. – P. 164–165. (In Russian).
10. Zalevskaya A. A. Some problems of understanding the text. Linguistics issues. 2002. – № 3. – P. 62–73. (In Russian).
11. Kolesov V. V. Philosophy of the Russian word. – St. Petersburg: JNA, 2002. (In Russian).
12. Kravchenko A. V. Cognitive horizon of linguistics. – Irkutsk: Publishing House BGUEP, 2008. – 320 p. (In Russian).
13. Kubryakova E. S. Language and knowledge: On the way to get knowledge of language: speech parts from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world. – Moscow: Slavic culture languages, 2004. (In Russian).
14. Kubryakova E. S. In search of the essence of the language. Issues of cognitive linguistics. 2009. – № 1. – P. 5–12. (In Russian).
15. Levina V. N. Conceptualization of the landscape in the artistic text. Cognitive studies of the language. Issue. IV. Conceptualization of the world in the language: team monography. – Moscow: linguistics institute of the Russian Academy of Sciences; – Tambov: Publishing House of TRG named after R. G. Derzhavin, 2009. – P. 398–413. (In Russian).
16. Lotman Y. M. Analysis of the poetic text. The structure of the verse. – Leningrad: Education, 1972. (In Russian).
17. Ogneva E. A. Cognitive modeling of the conceptual atmosphere of thin text: Monograph. – Belgorod: Publishing House BelSU, 2009 a. – 282 p. (In Russian).
18. Ogneva E. A. Adaptability of architectonics of the conceptual atmosphere of the artistic work. Bulletin of the Kharkiv National University. V. N. Karazina, 2009 b. – № . 867. – P. 118–126. (In Russian).
19. Piotrovsky R. G. Linguistic synergy initial positions, first results, perspectives. Series “Philological Studies”. – St.-Petersburg: St. Petersburg state university. 2006. (In Russian).
20. Solganik G. Ya. To the definition of the concepts of “text” and “media text”. Bulletin of Moscow university. – Series 10. 2005. – № 2. – C. 7–15. (In Russian).
21. Tolstoy L. N. War and peace. – Moscow: Soviet Russia, 1982. (In Russian).
22. Beaugrande R. de. New Foundation for a Science of Text and Discourse: Cognition, Communication and the Freedom of Access to Knowledge and Society. – Norwood, N, J.: Ablex, 1997.
23. Croft W. and Cruse D. A. Cognitive Linguistics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 356 p.
24. Delisle J. L' analyse du discours comme méthode de traduction. – Ottawa, 1984.
25. Tolstoy L. War and Peace. Tr. from Russian by Louise and Aylmer Maude. London: Wordsworth Editions, 2001.

Information about the authors

Elena A. Ogneva, Doctor of Philology, lecturer, Head of the Departement of Foreign languages, Belgorod State National Research University.

Address: 85 Pobeda Str., 308015, Belgorod, Russia.

E-mail: ogneva@bsu.edu.ru; tel.: +7(920) 584–58–57

Contents

History and archaeology	3
<i>A. V. VOLODKO</i>	
GRAND DUKE MIKHAIL ALEXANDROVICH'S PARTICIPATION IN WORLD WAR I.....	3
Pedagogy	10
<i>T. N. SADYKOVA, S. G. MOLCHANOV</i>	
PROFESSIONAL COMPETENCE OF A TEACHER AS A TOOL OF PRESCHOOL EDUCATION QUALITY MANAGEMENT.....	10
Political science	17
<i>I. V. ANTYPENKO</i>	
THE POLITICAL RISKS OF UKRAINE'S NATIONAL ECONOMY INTEGRATION INTO THE GLOBAL ECONOMIC COMPLEX.....	17
Philology and linguistics	23
<i>E. U. VAULINA</i>	
POLYSEMY IN THE LEXICAL SYSTEM OF THE MODERN RUSSIAN (ON THE DATA OF THE FULL-TYPE EXPLANATORY DICTIONARY)	23
<i>Yu. V. GORSHUNOV, E. Yu. GORSHUNOVA</i>	
ENGLISH EUPHEMISMS AND DYSPEMISMS ON THE TOPIC OF THE PHYSIOLOGY OF WOMEN (MENSTRUATION).....	33
<i>E. S. KARPOV, E. G. KARPOVA</i>	
TRANSFORMATION PROCESSES IN THE COMMUNICATIVE SYSTEM OF LANGUAGE UNDER THE INFLUENCE OF MODERN MASS MEDIAL DISCOURSE	43
<i>E. A. OGNEVA</i>	
LITERARY CONCEPTUAL DOMAIN AS KNOWLEDGE FORMAT.....	50